

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-198

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

44—45

АПРЕЛЬ—МАЙ 1934 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. К 120-летию со дня рождения М. А. Бакунина. — М. НЕТТЛАУ Предварительные замечания и очерку о Михаиле Бакуanine. — П. А. КРОПОТКИН. М. А. Бакунин. — ЭРРИКО МАЛАТЕСТА Моя первая встреча с Бакуниным. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Бакунин — анархист. — АВТОНОМОВ. М. П. Сажин. — МАРК СТЕПНОЙ. Правда о Советской России. — ГАНИВЕ И МУРОМЕЦ. Рабочее единство. — Мелкие заметки и сообщения.

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА А. БАКУНИНА.

Мы, анархисты, не возносим своих учителей в ранг богов, но тем не менее — не забываем их! Мы чтим память каждого человека, так или иначе поработавшего на ниве безвластия. М. А. Бакунин дал много анархизму, поэтому долг каждого анархиста украшать — при первой возможности — лавровыми венками имя великого бунтара.

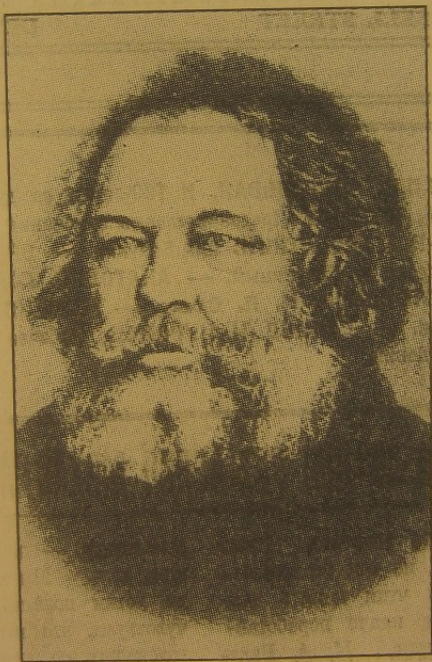
В нынешнем году исполнилось 120 лет со дня рождения Бакунина. Журнал «Пробуждение» решил по этому случаю посвятить несколько страниц великому борцу за торжество Анархии. Мы знаем, что этим мы не откроем Америки. О Бакуnine уже много писалось, — так много, что если бы собрать все вместе, то получилась бы приличная библиотека. Возможно, что мы ничего нового — к уже на-

писанному — не прибавим. Но не в этом дело. Мы не гоняемся за рекламой; не хотим попасть в герои. Мы просто чувствуем, что мы должны отметить 120-ю годовщину со дня рождения Бакунина. И мы это делаем.

За 120 лет произошло много перемен. Особенно в области техники. Не говоря уже об аэропланах, радио, автомобилях и т. д., но даже железные дороги находились лишь в зачаточном состоянии. Однако, нельзя этого сказать относительно общественных наук. Социальный прогресс отстает от прогресса технического. Большинство вопросов, волновавших общество на заре деятельности Бакунина, волнуют и сейчас. Человечество не спешит с решением социальных проблем. Поэтому все то, что говорил Бакунин, имеет в на-

стоящее время такое же значение, какое оно имело в то время, когда жил и действовал великий бунтарь. Читать и изучать Бакунина всегда полезно. И чем больше мы его изучаем, чем больше читаем, тем больше находим чего-то нового — ответов на злобу дня. Недаром, повидимому, Бакунин жил «злобой дня». Он не

философии и политических наук. Несмотря на то, что после Бакунина было много теоретиков анархизма, но философская основа в анархизме до сих пор остается бакунинская. Анархизм Бакунина выводил из воли. У каждого человека есть желание — воля, и это желание — по законам природы — должно быть свободно. Но

1814—1934.

увлекался капитальными трудами, не погружался в кабинетную пыль. Он шел и творил в унисон с запросами дня. Поэтому его труды — не умирающие, злободневные ответы на всякое время.

Экономическим вопросам Бакунин мало уделял внимания. Все свои мысли он сосредоточивал главным образом в области

свободно не для того, чтобы поработать других, а для того, чтобы оберегать свободу своего соседа. Бакунин не признавал свободы эгоистической, пышно расцветшей при капитализме. Он доказывал, что истинный поборник свободы не может быть снобсом, видя вокруг себя униженных и оскорбленных. Отсюда Баку-

нин выводит свое бессмертное утверждение, что «моя свобода заключается в свободе других». По своей глубине и гуманности эти слова до сих пор никем не превзойдены.

Государство и религию Бакунин считал злейшими врагами человека. Всегда и везде он требовал низвержения кумиров земных и небесных. Принесенной Моисеем с Синайской горы заповеди Бакунин придал чисто человеческое толкование. Моисей говорил: не сотвори себе кумира, ибо этим ты прогневишь господа бога твоего, а Бакунин заявлял: не сотвори себе кумира, ибо ты будешь его рабом. Человек не должен иметь над собою никаких властелинов, никаких фетишей. Он не должен никому ни повиноваться, ни поклоняться. Он сам себе и царь, и бог. Борясь за полную свободу человеческой личности, Бакунин сбрасывал с престолов не только царей и королей, но и всех богов, именем которых освящено рабство на земле. Против злого и самолюбивого Иеговы Бакунин не меньше воевал, чем против Николая I. Таких решительных борцов, каким был Бакунин, история мало знает. Мы знаем не мало светлых личностей, принесших великую пользу человечеству; но в известных пунктах эти личности не шли до конца, а сворачивали с прямого пути. Сюда можно отнести Толстого и даже в некоторых вопросах Кропоткина. Бакунин же нигде не отступал. До конца своих дней он шел все вперед и вперед. Начав свою деятельность идеалистом — гегельянцем, он закончил ее — революционером, материалистом и чистейшим анархистом.

Самой характерной чертой Бакунина является — отвага и готовность занять самые опасные позиции в бою. В этом отношении Бакунин буквально не имеет себе равного. У каждого человека есть известная доля самосохранения, граничащая иногда с трусостью. Бакунин же нисколько не думал о себе. Он жил исключительно ради дела. А дело его было — революция. Тут к Бакунину очень подходит слова, сказанные Лермонтовым:

«А он мятежный шлет бури, как будто в буре есть покой». Да, в буре для Бакунина был покой. Характерно, что Бакунин и Лермонтов родились в одном году и носили одно и то же имя. У них есть много общего, а именно: протест против существовавших в то время несправедливостей. Но Лермонтов выражал свое возмущение только в художественной форме, Бакунин же избрал для этого социально-политическую область. Сходство Бакунина с Лермонтовым заметно еще и в том, что Бакунин, несмотря на то, что всю свою жизнь посвятил революции, все же был поэтом. Все его произведения написаны поэтическим языком. Кропоткин писал очень просто, понятно, и красиво, но не так художественно, как Бакунин. Правда, Бакунин слишком мало времени уделял обработке своих трудов, поэтому его слог в некоторых местах тяжеловесен, но зато есть страницы, где музыка языка звенит подобно жаворонку в небе.

Да оно и не удивительно, если принять во внимание, что Бакунин жил в то время, когда жили величайшие мастера русского языка — Гоголь, Герцен, Тургенев, Достоевский. То было исключительное время для России, — эпоха великих людей, начатая Пушкиным.

Бакунина справедливо относят к числу «властелинов дум». В свое время Бакунин имел большое влияние на русскую революционную молодежь. Его брошюры доставлялись нелегальным путем в Россию и расходились там в огромном количестве. В этом отношении Бакунин едва ли может уступить Н. Г. Чернышевскому. Отдельные личности, с широкой известностью, то же прислушивались к Бакунину. В. Белинский все время шел к анархизму, и не сразу его ранняя смерть, он вкусил бы плодов от анархического древа добра.

Эпоха великих людей в России в то же время была эпохой страшной реакции. На престоле сидел один из жесточайших самодержцев — Николай I. Против него никто не смел слова шикнуть. Жуковский ходил на цыпочках, Пушкина заста-

вляли насильно унижаться. Даже умерший Тургенев мог писать только за пределами николаевской атмосферы. Но вот появляется молодой офицер и бросает вызов тому самому самодержцу, которого боялась вся Европа. Закипел жаркий бой. С одной стороны, огромная грубая сила, а с другой — слово правды. Неизвестно чем поединок закончился бы, если бы Бакунин случайно не попал в руки немецкой полиции, выдавшей его Австрии, а эта последняя — Николаю. Этот арест оторвал Бакунина от общественной деятельности на целых четырнадцать лет и стоил ему не мало сил и здоровья.

Когда Бакунину удалось снова вырваться на волю, в Западной Европе ожидалось Международное Товарищество Рабочих. Этому товариществу Бакунин посвятил последние годы своей жизни. И здесь работа его не пропала даром. Международное Товарищество Рабочих приняло бакунинскую окраску, заметные следы которой дошли и до наших дней в виде многочисленного анархического движения в Испании.

В настоящее время наметилась «борьба за Бакунина». Некоторые националисты заявляют, что «Бакунин наш». Это заявление, понятно, неверно, ибо мало сказать: «Бакунин наш», — нужно также и делать то, что делал «наш» Бакунин, т. е. быть революционером и анархистом. Националисты же, присваивающие Бакунина, очень далеки и от революции, и от анархизма. Кроме того, Бакунин националистом, в полном смысле этого слова, никогда не был. В молодости он увлекся славянством, но не национализмом, т. е. не отдельной какой-либо славянской нацией. Под конец же своей жизни он перестал увлекаться и славянством, и превратился в настоящего интернационалиста — федералиста. В качестве основной формы общественного устройства он клал федерирование снизу вверх, основанное на территориальности, но не на национализме. В одном месте (Письма к товарищам

МАР) Бакунин дает убийственную критику деления людей на «своих» и «чужих».

«Посмотрите, говорит он, на собак какой-нибудь деревни... Прикрепленные к месту, они составляют в каждой деревне своего рода республику... У них безграничная свобода и попустительство, конкуренция, безустанная, безжалостная война, в которой более сильный всегда кусает более слабого... Но пусть только собака соседней деревни выглянет на их устье, и вы тотчас увидите, как все эти ссорящиеся сограждане толпой бросятся на несчастного иностранца».

Деление на иностранцев и соотечественников Бакунин считал атавизмом, пережитком старины, звериностью. Он доказывал, что чем сильнее проявляется у кого-либо привязанность к какому-либо месту, предметам или людям, тем ниже данный человек стоит на лестнице культуры. Из отдельных славянских наций Бакунин чаще всего теплыми выражениями награждал Польшу. Но это не потому, чтобы он в лице поляков видел исключительных людей, а потому, что Польша в то время была поработена другими странами. Вообще, Бакунин всегда становился на сторону поработенных. Когда русские войска пошли усмирять возставших венгров, он был за венгров; но когда венгры способствовали притеснению чехов, он был против венгров.

Личная жизнь и деятельность Бакунина — образец чистейшего космополита. На родине, кроме тюрьмы, Бакунину места не было. Жить и творить он должен был за границей. И все, что Бакунин после себя оставил, создано, выражаясь языком националистов, в чужих странах. «Под небом Шиллера и Гете» (слова Пушкина) Бакунин произнес свою первую революционную фразу (дух разрушающий и т. д.); а последние его призывы к восстанию раздавались на склонах Альп. Подобно орлу, он с горных высот звал обездоленное человечество в высь, к солнцу. Бакунину пришлось пересечь Азию и Америку;

центром своей деятельности, однако, он избрал Западную Европу. Там нет ни одной страны, где бы не ступала нога Бакунина. Англия, Франция, Бельгия, Германия, Австрия, Швейцария, Италия, Испания — видели в своих пределах великого бунтаря.

Два раза «налетал» Бакунин на Западную Европу: первый раз — молодым революционером идеалистом, находившимся еще под свежим впечатлением философии Гегеля; второй раз — материалистом, анархистом. Для нас, конечно, Бакунин дороже всего, как анархист; но мы не можем не восхищаться и той его деятельностью, которую он проявлял, не будучи еще вполне оформившимся анархистом. Свою революционную деятельность Бакунин начал проявлять приблизительно в 30 лет. В это время в организме человека, по выражению Лермонтова, кровь кипит и сил избыток. Бакунин не находил куда приложить избыток своей энергии. Он с быстротой молнии бросался туда, где кипел бой, и занимал самые первые, самые опасные позиции. В Париже, в 1848 г., Бакунина можно было видеть только на баррикадах, а немного позже он, прислонившись к каменной ограде Дрездена, день и ночь отгонял пруссаков от города.

О той огромной роли, какую играл Бакунин, как революционер, можно судить хотя бы по тому, что многие правительства по требованию Николая I ежедневно гонялись за ним по пятам. В настоящее время весь мир запротестовал бы, если бы, скажем, по требованию советского правительства начали преследовать антибольшевиков за границей. А между тем Бакунин этому подвергался. Из Франции его выгнали только потому, что он на польском банкете публично выступил против Николая. За это же его преследовали в Швейцарии и в королевствах, составивших впоследствии германскую империю. После поражения Наполеона Россия играла видную роль в Европе. Николай I считался олицетворением «порядка». По-

давнив у себя возстание декабристов, он готов был подавлять возстания и в других странах (и подавлял, в Венгрии, например). Самым главным его желанием было — сохранить «порядок» во всех странах, т. е. бороться против революции. Бакунину же, как раз наоборот, носился с факелом революции и то тут, то там поджигал возстания. Естественно, Николай видел в лице Бакунина самого опасного человека в мире. Поэтому он, топая от злости ногою, отдавал приказы своим подчиненным во что бы то ни стало «изловить прапорщика». За Бакуниным носилась целая стая сыщиков, пускавших в ход и клевету, и провокацию. Бакунину постоянно приходилось менять место жительства, постоянно кочевать из одной страны в другую. Конец этому положил, как уже было отмечено выше, случайный арест Бакунина после возстания в Дрездене.

Когда Бакунин вторично появился в Западной Европе — положение несколько изменилось. Россия была разбита в период Крымской кампании и к голосу русского царя мало кто прислушивался. К тому же, к этому времени во многих странах наметилось сильное рабочее движение, требовавшее не только политического, но и экономического равенства. Лозунгом Бакунина становится: «Не говорите о свободе — нищета есть рабство». Везде и всюду Бакунин начинает доказывать, что пока человек беден, пока он бездомен и не имеет куска хлеба, всякие политические свободы для него ничего не значат. Вслед за Прудоном Бакунин делает вывод из слов: «живите и плодитесь», что собственности не должно быть, — ибо раз велено свыше жить и плодиться, то следовательно человек, подобно птице, должен пользоваться безпрепятственно всем тем, что необходимо для жизни и продолжения рода.

Эту идею, — идею всеобщего политического и экономического равенства, — Бакунин безстрашно проповедывал везде, в том числе и на собраниях либеральной буржуазии (на конгрессах Лиги

Мира и Свободы, например). Буржуазия, понятно, не замедлила забросать Бакунина камнями. Впрочем, в этом отношении недалеко отошли от буржуазии и так называемые радикалы в лице Карла Маркса и французских республиканцев. Они то же всячески старались откеститься от Бакунина, ибо боялись, что справедливые требования последнего могут подорвать их престиж, основанный на лицемерии и фарисействе. Петинных друзей и последователей Бакунина находил только среди подлинных сторонников справедливости. Все хавали бежали от него.

Бакунин был велик, как ученый. Он прекрасно знал философию, историю народов и политические науки. Но как революционер, он был еще больше. Это последнее особенно важно отметить в 120-ю годовщину со дня рождения Бакунина, — важно, ибо в настоящее время человечество больше всего нуждается в революционерах. Нельзя сказать, чтобы у нас не было ученых. Ученые есть, но нет революционеров. Нет исполненных сеятелей социальных взрывов. Застой и мертвечина пришли очень по вкусу современным человечкам, душонки которых, как когда-то выразился Бальмонт, сотканы из морщин. Спячка охватила всех. Нет отважных орлов, которые сами бы стремились к солнцу и других увлекали бы за собой. Не слышно больше гордого клекотания, только кваканье лягушек по временам раздается в социальном болоте. Атмосфера пропитана затхлостью. Лица у людей бледнеют, все чахнут, но никто не скажет, вслед за горьковским буревишником: «пусть сильнее грянет буря».

Да, Бакунины в настоящее время нам очень и очень нужны. Нужны для того, чтобы разорвать паутину, сплетенную в виде колхозов, НРА и фашистской кооперации. Паук, именуемый государством, везде усиливается. Он заступает место доклавшего свою несостоятельность капитализма. Не рабочие, не вольные союзы трудящихся идут на смену инвалиду частному капитализму, а централизованная

власть. Вводится казармщина вместо прежней частно-эксплуататорской жизни. Не сладко жилось рабочему в тисках частного эксплуататора, но не даст ему облегчения и государство. Солдатщина ведь не рай. А современные государства именно хотят сделать всех солдатами, если не в военном, то в политическом смысле этого слова. Нет сомнения, что государству легче, чем частному предпринимателю, обеспечить каждого работника куском хлеба (как велик будет этот кусок — другой вопрос), но нет также сомнения, что государству легче, чем частному предпринимателю, лишить рабочих даже той относительной свободы, которой им, благодаря своей организованности, удалось добиться. Солдаты имеют хлеб и жилище, но что из этого? Разве они свободны? Разве они имеют право создавать свои организации и выступать с своими справедливыми требованиями против своего хозяина — государства? Ничего подобного. За всякое выступление против государства грозит смертная казнь, хотя бы это выступление было основано на самых справедливых требованиях. Вот по какой наклонности катится человечество. Отчасти мы уже докатились до государственного порабощения. В России царит полное государственное рабство, в других странах — частичное. Живи в наше время Бакунин, он, как и в свое время, воскликнул бы: «бунт личности против всякой власти божеской и человеческой, коллективной и индивидуальной».

Будем помнить эти золотые слова. Не будем соблазняться иллюзиями. Всякие мероприятия, предпринимаемые государством, в сущности ничего не стоят, ибо они не гарантируют свободы личности, в политическом и экономическом смысле этого слова. Без свободы же хлеб, даже если он и есть — горек, равно как и свобода без хлеба — одни лишь пустые слова. То и другое — неотделимы. Хлеб и воля должны быть вместе.

Так говорил Бакунин. Этого он требовал. Этого должны требовать и все апархисты. Бунтовать против всякой власти,

M. NETTLAU.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОЧЕРКУ О М. БАКУНИНЕ

(30 МАЯ 1814—1 ИЮНЯ 1876).

Из всех ранних социалистов, Бакунин кажется, наиболее близким многим из нас. Объясняется-ли это тем, что он так долго жил с нами в живой личности Малатесты и в задумчивых мыслях Кропоткина, вплоть до 1921 и 1932 г.г.? Или это потому, что такая значительная часть начатой им работы все еще остается до сего времени незаконченной, в то время, как поработавшему человечеству так нужны его метод, его совет, его острая мысль? Разве нынешнее крушение зараженного авторитарностью марксизма не является результатом той изначальной ошибки и того неизбежного порока, которые он носил в себе, уклоном социализма от борьбы за свободу в сторону привилегированной касты за власть для себя? Бакунин руководил защитой социализма от устранения из него свободы. Шестьдесят и семьдесят лет тому назад ему и его товарищам удалось защитить значительную часть социализма, но еще более значительная часть его была потеряна и попала в руки Маркса и менее значительных политических и бюрократических вождей, а затем в руки прямых представителей власти, которые заменили государственный социализм государственным рабством. Это заставляет нас

против всякой несправедливости и обмана, — это будет лучшее чествование памяти Бакунина. Анархизм не требует, чтобы мы становились на колени и били поклоны перед портретами наших учителей. Но анархизм требует, чтобы мы продолжали то дело, которое завещали нам наши учителя. А дело это — социальная революция. Будем же к ней готовиться. В 120-ю годовщину рождения Бакунина усилим нашу пропаганду и этим самым мы вылетим ярчайшую розу в тот венок, который обрамляет имя великого бунтара.

сознавать, что, сколько бы ни было сделано либертарными социалистами, они все-же сделали слишком мало. Если бы Бакунин был с нами, то растущая опасность увеличила бы его энергию, обострила бы его пронизательность, тогда как мы, чувствуя себя почти в безопасности на протяжении многих лет, были захвачены враждебностью там, где его ясная мысль предвидела бы опасность за много времени вперед. Многие из нас занимались пустяками, в то время, как буря назревала и, наконец, разразилась. Бакунин, таким образом, остается живым существом для всех, кто не является безразличным и бездушным фаталистом, кто намерен противостоять буре, каковы бы ни были последствия.

Жизнь и мысль Бакунина, его чаяния, планы и деяния представляются теперь нам в гораздо более полном виде, чем они представлялись большинству его современников. Начиная с детских лет, его жизнь и деятельность были на виду у все более широких кругов: многочисленная семья; кружки друзей; передовые секции в философских, радикальных, социалистических кругах; польское и русское общество; все славянские и германские и часть французских, итальянских, шведских и других политических и народнических кругов в период 1846—1863 годов; итальянская и другие европейские демократии в 1864—1868; социалистические и рабочие круги Интернационала и, особенно, многие отдельные активные представители швейцарского, итальянского, французского, испанского движений; русские социалисты и анархисты поколения 1862—1876 годов, и т. д. Но в его действиях всегда была внутренняя, интимная сторона, бывшая предметом его собственных размышлений и доверявшаяся очень немногим ближайшим родственникам, друзьям и товарищам. Многие сюда относящиеся

потеряно для нас, но многое также стало доступным благодаря его позднейшим замечаниям, его большой откровенности в письмах, его рукописям, статьям и тем материалам, которые собраны были у него большого числа его ближайших сотрудников во время позднейшего периода его жизни. Этими ключами к пониманию его истинных целей и намерений редко располагали его современники. Кроме того, переходя на протяжении своей бурной жизни из одних кругов в другие, Бакунин оказывался часто новым человеком для тех, кто ничего не знал о его прежней деятельности. Это влияло на их оценку Бакунина, ослабляло их готовность к содействию ему и порождало неверные представления о нем. Они оказывались свидетелями лишь отрывочных глав его долгой жизни, тогда как мы теперь можем понять ее в целом и связать воедино многие отдельные ее звенья. Мы видим непрерывность и единство цели, которых они, как бы ни была хороша их осведомленность в отношении к их времени подробностях, не могли видеть.

Сверх того, деятельность Бакунина резко делилась на части в зависимости от страны, где она протекала: то он и в России, в Сибири, в славянской среде, то в Германии, Англии, Швеции, то во Франции, то в Италии и в тесной связи с испанскими революционерами, то в швейцарских кругах Женевы, Юры и Тессина. А потом опять среди русских дворян, любителей философии, серьезных литературных и социальных критиков, среди честолюбивых царских сатрапов; его смелая речь к Николасу I в форме «Исповеди» 1851 года и почти заговор с Муравьевым-Амурским в Иркутске; общение с довольно сомнительными кругами националистов — мечтателей, поляков, чехов, словаков и др., с цветом германского философского и политического радикализма, раннего социализма разных оттенков, от Каба, Вейтлинга. Ламенна, до Маркса и Прудона; с наиболее передовыми политическими деятелями 1846—49, 1862—63, 1867—68 г. г. в большинстве европейских стран; с нарождав-

шей средой социалистических рабочих во Флоренции, Неаполе, Женеве, Юре, Лигоне, Марселе и с наиболее выдающимися среди передовых борцов за социализм, сотрудничавших с ним во внутренней группе — с Фанелли, с братьями Реклю, с Джемсом Гильомом, Малатестой, Кафьеро, Фаргой Пелицером и многими другими; затем с русскими, начиная с Н. Жуковского, Нечаева, М. П. Сажина и вплоть до множества юношей и девушек Цюриха в бытность его там летом 1872 г.; с итальянцами в Болонье в 1874 г., и т. д. В то время большинство перечисленных выше лиц и организаций мало знали друг о друге, за исключением тех немногих случаев, когда некоторые из них сводились друг с другом самим Бакуниным для специальных задач, как, например, в Интернациональном Братстве в 1864, а ранее того — в менее известных и недолговременных тайных или открытых группах.

Не только многое из сказанного было неизвестно в широких кругах, но и то, что было в то время известно немногим, держалось ими в секрете. Эта неосведомленность породила много легенд и выдумок, ошибочных мнений и недоразумений и, что хуже всего, — злостной клеветы, подозрений, инсинуаций. Все это исходило либо от главного врага — от царской полиции, либо от главных противников дела всей жизни Бакунина. Здесь я имею в виду ту враждебность, которую Бакунин постоянно встречал со стороны социалистов — марксистов, — враждебность, которая опускалась до самой низкой клеветы. Почти каждый факт, приводившийся в ходе этой невежественной и злобой кампании, в настоящее время выяснен путем документальных свидетельств и личных воспоминаний. Если я говорю «почти», то не потому, чтобы я думал, что та или иная клевета не была опровергнута, а потому, что я не выношу утверждений общего характера и не могу, в данном случае, проверить, не осталась ли невыясненной та или иная случайная подробность среди тех сотен неправильных

утверждений, которые в свое время были выдвинуты. Возможно, что какая-нибудь подробность, сама по себе не заслуживающая доверия, не может, по причине утраты огромного числа писем и документов, быть опровергнута каким-либо из тех многочисленных, опубликованных и неопубликованных документов, которые мне удалось просмотреть. Однако, следующая пачка писем, которая может быть найдена, сделает возможным объяснение и этих немногих подробностей, если они вообще существуют, чего я не утверждаю.

Лишь в прошлом году, например, «Исповедь» (1851) получила более полное объяснение после опубликования дрезденских документов 1848—49 в большом втором томе материалов покойного Половского. Только с этих пор мы имеем перед собою протокол допросов заключенного и более полное издание писем и документов, захваченных после его ареста в мае 1849. Только отсюда мы узнаем, что именно было известно следователю из этих документов, из допроса свидетелей и из других источников, и как ответил Бакунин на эти обвинения. Так как эти протоколы были посланы русскому правительству, то и оно располагало этими сведениями, и, повидимому, именно это обстоятельство понудило Бакунина написать «Исповедь». Так как он не желал вызывать гнев царя, дав ему заведомо ложные сведения, то ему пришлось строго придерживаться позиции, какую он занял во время упомянутых допросов. Он не мог расходиться с документами (письмами к нему и его собственными рукописями), которые, как он знал, находились в руках властей. Таким образом, теперь с точностью объяснены еще много страниц «Исповеди», так взволновавшей ее первых читателей 16 лет тому назад. Но так как судебные документы, о которых идет речь, занимают очень много места (я никогда не прикасался к ним, но видел их сложенными в груды), то, повидимому, выдержки Половского не исчерпывают их. Если бы я мог потратить полгода на разборку их, то мог бы прибавить очень

много к примечаниям, которые я составил для французского перевода «Исповеди» (1932).

Так же обстоит дело с теми марксистскими документами, которые собирались по всей Европе в годы 1871—73 с целью выдвинуть обвинения внутри Интернационала, подобно тому, как годы тому назад такие обвинения воздвигались вне его Марксом, Энгельсом и их сотрудниками. Задача их была довести дело до политической смерти Бакунина перед судом Интернационала, собравшегося на Конгрессе в Гааге в сентябре 1872 года и избравшего специальную комиссию, заседавшую в качестве частного суда, перед которым Маркс сам изложил свои обвинения. Затем, одиннадцать месяцев спустя, доклад, представлявший собой объемистую брошюру, был напечатан, и сами обвинители, Маркс и его ближайшие товарищи, были его авторами. Доклад был опубликован и позднее был переведен и распространен социал-демократическими изданиями в качестве знаменитого и окончательного документа, свидетельствовавшего об «интригах» — или хуже того — Бакунина. Каждая строка этой брошюры была рассмотрена позднее анархистами историками и исследователями. Злая неправда или продукты грубого невежества и небрежности, составляющие главную основу этой брошюры, теперь уступили место нашему знанию подлинных фактов, в пределах, которые известны тем, к сожалению немногочисленным лицам, которые выполнили это исследование. На протяжении сорока лет опрашивались жившие в то время, а ныне почти все умершие члены интернациональных кругов, в которых вращался Бакунин, просмотрены были протокольные книги, письма и другие документы Интернационала в Швейцарии, Италии, Испании и т. д., коллекции большинства газет и редчайшие экземпляры брошюр, циркуляров и другой текущей литературы. — все это было рассмотрено и частью собрано. Рукописи и письма Бакунина хранили от нас свои тайны. Немногие исторические вопросы были так тщательно

обследованы, как революционная деятельность Бакунина с 1864 до 1874 и все то, что спасено было от разрушения во время позднейшего периода его жизни до самой смерти его 1-го июля 1876 года.

Между тем, усердные русские исследователи, особенно Корнилов и Полонский, сделали необыкновенно интересные открытые материалы, относящиеся к периоду от детства Бакунина до 1863 года. Другой русский, на этот раз социал-демократ, сделал необыкновенно интересные открытия путем тщательного обследования обширной германской политической литературы, главным образом повременной печати, за годы 1848—49. Эти исследования еще никоим образом не могут считаться законченными, но они затруднены нынешним состоянием Европы. В Швеции, Италии, России, Германии остается еще сделать много работы, и много материалов, писем и воспоминаний окончательно утрачены. Во всех важнейших пунктах, однако, исследования уже почти, или вполне, закончены. Это означает, что, путем тщательного объединения их результатов, можно сделать теперь достоверные выводы. Отсюда все еще очень далеко до широкого распространения правильных сведений о Бакунине, ибо легенда и пропагандистское усердие, иногда также и доктринерский пыл, породили среди наших собственных товарищей неполные, недостоверные, неточные представления, которые трудно теперь выкорчевать. Поскольку это касается деталей, дело не столь важно, но если слишком много деталей представляется в ложном свете, то и вся картина оказывается искаженной и извращенной.

Конечно, нет необходимости, чтобы каждый в отдельности ставил себе задачу самостоятельно исследовать жизнь Бакунина, но нельзя не пожалеть, что каждый, кто хочет располагать более полными сведениями, вынужден просматривать книги на целом ряде языков, что теперь очень трудно, если не вовсе невозможно. Так, например, английский читатель может прочитать только «Бог и Государство», да и то ему придется, по всей вероятности, про-

читать это в распространенных переводах, основанных на менее правильном тексте, чем тот, который был опубликован в 1910 году журналом «Фридом» (Лондон) и который напечатан по собственноручной рукописи Бакунина. Если английский читатель ищет биографии, которая не являлась бы простым пересказом того, что можно найти в любой энциклопедии, то он такой не найдет. Однако, кто-нибудь может указать ему на книгу, переведенную с итальянского, где он мог бы найти грубо искаженные сведения, претендующие позабавить читателя и изложенные почти в форме романа. Таким образом, многочисленная, читающая по-английски публика, почти ничего не знает о Бакунине. Русские, германские, французские, итальянские, испанские издания, взятые все вместе, содержат произведения, письма, статьи об организаторской работе, полемические статьи и материалы, относящиеся к личной жизни Бакунина. Наиболее ясными представлениями об его позднейшей анархической революционной работе обладали Джеймс Гильом, М. П. Сажин и Малатеста. Четыре тома произведения Гильома «Интернационал, 1864—1878» являются превосходным вступлением к этим предметам и сокровищницей материала, но что касается Бакунина, то эта работа так же никоим образом не является окончательной и требует пояснений.

Столько усилий не было бы затрачено на исследование идей и деятельности человека, если бы это дело не представлялось чрезвычайно интересным и важным множеству людей в разных странах. Это было сделано не для того, чтобы прославить память отдельного человека с целью сделать из него знамя, как это сделали марксисты с Марксом. Память Бакунина была даже в большом пренебрежении в течение 20-ти лет после его смерти, если не говорить о таких людях, как Малатеста и кой-кто в Испании, которые работали в этом духе, и о тех, кому посчастливилось набрести на произведение, которое они считали первоначально не более, как

отрывком, — на «Бог и Государство» (они дали ему такое название и опубликовали его в 1881—82). Толчок был дан только в 1895 году, когда профессор Драгоманов издал письма к Герцену и Огареву. С тех пор биографические исследования собрали более обширные материалы, но не было широкого интереса к их результатам. Мне пришлось написать биографию собственноручно (1896 — 1900), самому размножить ее 1281 страницу в 50 экз., а затем другую биографию, 25 лет спустя, которая пребывает в форме рукописных томов. Таким образом, исследования о Бакуanine не наводнили наше движение, но многие их приветствуют, и они привели к опубликованию значительных частей его рукописи, а затем, постепенно, и писем. Издание написанного Бакуininым на французском языке составило шесть томов. Части этого издания составили основу переводов, изданных на русском, итальянском, немецком, испанском. Затем некоторые специальные исследования удалось, наконец, опубликовать, главным образом, на испанском, итальянском и немецком. Когда много времени спустя после первоначальной большой работы Корнилова, русские исследователи возобновили изучение архивов (1917), то эти исследования претерпели уклон в двух направлениях: либо втиснуть каким либо способом Бакунина в ряды предшественников большевизма и почитателей диктатуры, либо опровергнуть его окончательно, путем раздувания «Исповеди». Обе попытки потерпели крушение, как только пришлось заглянуть в сущность вопроса несколько глубже. Тогда осталось только продолжать восхваление Маркса и преуменьшать значение Бакунина в обычном марксистском духе. Только покойный Полонский, насколько я могу судить, хотя и будучи противником идей Бакунина, все-же пришел к лучшему и более человечному пониманию его, чем то, какое у него было, когда он начинал писать о Бакуanine.

стики которого я попытаюсь здесь резюмировать, как они мне представляются, не ставя себе задачей доказать каждое утверждение существующими документами, имел большое счастье вырасти в защищенном оазисе, в типичной русской среде прошлого столетия, когда жестокие нравы преобладали. Царизм, правящая аристократия, милитаризм, торгашество, крепостничество господствовали повсюду в то время как культура 17-го века, романтизм того времени, религиозные и философские чаяния, дружеские фигуры сестер, братьев, а вскоре и друзей окружали его. Находясь в разлуке с ними во время своего военного воспитания и службы в качестве офицера, он тем более чувствовал тяготение к милой дружеской среде и разбил свою карьеру, отказался от своих прав старшего сына, лишь для того, чтобы отдаться общественной жизни в дружеских кругах. В этой среде его талант и чувства сделали его защитником слабейшего, он всегда защищал сестер и братьев против отцовского авторитета, всегда решительно выступал в спорах среди своих друзей. Он наблюдал умственное и нравственное развитие каждого и вступал в теснейший союз с теми, кто наиболее разделял его чаяния. Он стремился содействовать всеобщему счастью, но, начав, быть может, с универсальности, подобной той, которая отличает религиозные верования, вскоре расширил область, в которой работала его мысль, на все человечество в целом. Себялюбие личное или семейное, пристрастия к дружеской среде, к социальной касте или классу отсутствовали в нем в продолжение всей его жизни. Но он видел, что для того, чтобы содействовать всеобщему счастью, требуются особые усилия и дружеское сотрудничество тех, кто был настроен так же, как и он. Поэтому он всегда объединял способности и силы тех, кого считал способными на большое и безкорыстное усилие. В скором времени мы видим его действующим внутри Интернационала, когда он стремился усилить его деятельность путем энергичной деятельности наиболее передовых своих сотрудни-

ков. Он создал Альянс и позднее всегда вдохновлял и направлял его деятельность. Безкорыстная работа в интересах всех, со всеми и среди всех в форме, где возможно, гармоничных, хорошо организованных групп людей, отличавшихся активностью выше среднего уровня, энергией, развитием и преданностью делу человеческого прогресса — таков был метод Бакунина от начала и до конца. Этот метод привлек к нему много друзей, много разочарований, много врагов и был, и до сих пор остается непонятым. Однако, если говорить о тех, кого мы наилучше знаем, то остается фактом, что Реклю, Гильом, Малатеста, Кропоткин следовали этому методу и находились или в ближайшем к Бакунину кружке, или, как Бакунин, продолжали дело этого кружка.

Теоретически говоря, человечество может быть или предоставлено самому себе, или им можно управлять и командовать, или же его можно воспитать. Практически говоря, тот, кто предоставлен своим собственным силам, или подпадает под власть сильнейшего, или сам становится правителем, или же оказывается частично воспитанным, а частично управляющим или повинующимся. Так создаются нынешние системы неравенства, под игом которых большинство стремится подняться с низов, где приходится подчиняться, на верхи, где можно управлять. Воспитание, таким образом, становится средством, служащим или для возвышения человеколюбцев, или для внедрения духа покорности в слабых.

При таких условиях, истинно — прогрессивное воспитание должно стремиться находить свои собственные пути. Это делается единолично, путем самовоспитания, а также, разумеется, и коллективно, путем пропаганды, которая, как мы знаем, всегда встречала и до сих пор встречает на своем пути величайшие препятствия. Это может делаться также спокойным, незаметным путем, и именно такой путь и избрали Бакунин и его друзья, работая незамеченными в рядах масс — главным образом в рядах международного Братства 1864

г. и Альянса 1862 г. Конечно, все эти люди чуждались общественной жизни, они были в самом центре ее. Бакунин бросил вызов французскому государству в Лиге 1860 г., Реклю взялся за оружие на защиту Коммуны, Малатеста вызвал на поединок итальянское государство, опираясь на силы мелких отрядов в горах в 1874 и 77 г.г., — все это они считали важным, но еще важнее они считали быть в постоянной и тесной связи с массами. Именно эту цель они себе и ставили, занимаясь усиленной открытой пропагандой, в которой принимали участие все они, а также той незаметной агитацией, которую вели тайные группы, и завязыванием международных связей.

Такая работа, конечно, велась во все времена, всеми организациями и партиями, но обычно она ставила себе целью обслуживание интересов вождей, тогда как Бакунин имел ввиду как раз противоположные цели — научить массы действовать самим, без руководства. Так как эта тактика оказывалась как бы топором, запесенным над претензией марксистов создать партийное руководство путем послышки своих членов в парламенты, то действия Бакунина, о которых, как мы это теперь видим, Маркс имел неполные и неточные сведения, была в самой основе своей ненавистна Марксу и его партии. Они употребляли все средства, чтобы удалить Бакунина из Интернационала и устранить, таким образом, большое препятствие на пути к их возвышению, к их власти и к их самым задушевному мечтам.

С тех пор, как социализм, прежде бывший только предметом утопий и теоретических систем, стал целью, к которой стремятся организованные коллективы, его методом должен был стать, или революционный захват государственной власти, или воспитание, направленное к добровольному принятию социалистического строя всем обществом, либо социалистические опыты построения новой жизни самими социалистами, в том числе и опыты кооперативных ассоциаций и т. д. Тогда буржуазные реформаторы (не социалисты),

получили во Франции места в Палате, путем обещания избирателям голосовать за социальные реформы. В то же самое время некоторые социалисты, как например, Луи Блан, предложили организацию труда властью государства. 1848 год во Франции показал, что социальные реформаторы безсильны. Луи Блан скоро был отправлен в изгнание. Экспериментальный социализм, какой проповедывал в то время Прудон (народный банк), оказался неспособным преодолеть основные затруднения. Революционные пролетарии разстреляны в июньские дни 1848 года. Начиная с этого времени, главное, течение социализма стало либо открыто революционным, либо ассоциативным, мутуалистским, федералистским, — короче говоря, независимым, продуманным, добровольным и стоящим вне государства. Такова была тенденция в 60-х годах в Бельгии, Франции, Италии, Испании, в некоторых частях Швейцарии, почти во всех частях (исключением были Англия и говорящие по немецки части Швейцарии), где открытые выступления социалистов были вообще возможны. Голландия и Скандинавские страны, можно сказать, спали в этом отношении, а в России всеобщее возстание против царизма было для революционеров более важной задачей, чем изучение отдельных социалистических систем.

Этот антигосударственный или внегосударственный, государственно - разрушительный или добровольно - конструктивный социализм увидел, в начале шестидесятых годов, что рядом с ним появилась социалистическая тактика Лассалья, требовавшая содействия государства и выставившая кандидатов на выборах.

То, что предлагал Лассаль, не было системой. Он лишь считал, что на нем лежит обязанность сделать первый практический шаг (его корреспонденты и пр. объясняют все это). То, что предлагал Лассаль, было смесью государственного социализма (под управлением либо Наполеона III, либо Бисмарка, либо какого-нибудь будущего Лассалья) с кооперацией (быть может, в этом отношении он до некоторой

степени следовал за Прудоном) и с избирательным правом (которое должно было привести к разгрому либеральных демократов и к замене их социал - демократами). Маркс внутренне питал величайшее презрение к этому вздору, как это видно из его писем к Энгельсу, полный текст которых напечатан был Н. Рязановым (который, как я слышал, еще жив). Но избирательные планы Лассалья и его последователей заставили рабочих, сохранивших традиции 1848 года, и тех немногих, которые были марксистами под руководством Бебеля и Либкнехта, тоже выступить на выборах. Маркс, после смерти Лассалья, признал их действия правильными. Из этого источника, а также из Англии, где честолюбивые молодые тред-юнионисты из Интернационала, никогда не бывшие социалистами, также мечтали попасть в парламент, — парламентаризм, сначала скрывавшийся под формой политической борьбы или завоевания политической власти, стал проникать в социализм. Маркс захотел навязать его Интернационалу и сделать его там обязательной доктриной (1871).

Этому противился общий дух социализма, как он выразился на конгрессах 1866—1869 и в повседневной пропаганде. Как в Бельгии, где никаких связей с Бакуниным не существовало и где принципы Альянса всегда отвергались, так и в Париже, где связи Бакунина были незначительны, так и в тех местах, где такие связи были сильнее всего (во Французской Швейцарии, на западе Франции, в Италии, в Испании), — нигде не было сочувствия ничему, что делал Маркс для проведения этой тактики захвата политической власти, проще говоря, — тактике посылки социалистов в парламент. В указанных местностях были слабые пункты, например, Женева, были честолюбивые люди в Париже, а позднее и в Бельгии, — но этих людей также недолго любила, как и самого Маркса. Однако, объединив аппарат Интернационала, контролируя Генеральный Совет, Маркс имел значительную административную власть и этой властью

он пользовался — или, лучше сказать, злоупотреблял ею до крайней степени. Результатом было то, что после удара, нанесенного братским чувствам народов Франко-Германской войной 1870-71 г.г., и после великого поражения парижских рабочих, когда Коммуна была залита кровью, — вместо того, чтобы напирать каждый нерв для дальнейшего развития интернационализма и дружественного сосуществования различных течений внутри социализма и организованного труда, Маркс бросил вызов тем, кто не соглашался с ним, на созванной им лондонской Конференции в сентябре 1871 года. Энгельс высмеивал несогласных в частном циркуляре о «воображаемых расколах» (Май 1872). Энгельс спорил с интернационалистами Испании и Италии. Даже лондонский Генеральный Совет 1872 года потерял терпение и не мог дольше выносить допущенных ими неправильностей. Они все санкционировали, допустили, объявили добродетельным и похвальным, «наладили» Гаагский Конгресс (сентябрь 1872), изгнали Бакунина и Джамса Гильома, сделали политическую борьбу обязательным принципом и т. д., все это при помощи искусственно подобранного большинства. И так как они хорошо знали, что их игра в Лондоне была кончена, то они перевели Генеральный Совет в Нью-Йорк. В то время это было почти равносильно переводу его на край света, или на одну из планет, и только прикрывало их полное отступление. Они получили возможность составить и опубликовать, годом позднее, тот клеветнический памфлет, о котором идет речь выше, но он не обратил на себя большого внимания в Интернационале после осени 1872 года.

Бакунин и его друзья из Швейцарии, Италии и Испании, немедленно реорганизовали свои связи: в Цюрихе (частным образом) и в Сент-Имье (Швейцарская Юра) путем созыва съезда с правами Конгресса (сентябрь 1872). Они предложили там и в позднейших статьях свое единичное сотрудничество на почве эконо-

мической борьбы и взаимное признание независимости в вопросах тактики, — но не получили иного ответа, кроме насмешек и оскорблений. Таким образом, после кратковременного улучшения отношений в 1876—77 г.г., международное движение оказалось расколотым и таковым остается до сего времени.

Начиная с того времени, политические социалисты — марксисты строили воздушные замки на песке, убеждая других и постепенно сами проникались убеждением, что буржуазия на вечные времена ограничит свое противодействие социализму ораторскими выступлениями и голосованием в парламенте. Теперь, когда целые парламенты сметаются с лица земли, наблюдается внезапное пробуждение и стремление понять новое положение.

Поскольку социализм еще сохранился до сего дня, он исходит прямо или косвенно от тех, кто, вдохновляемые Бакуниным и его друзьями, не стали в 1871—72 слепыми орудиями в руках Маркса. Существует, разумеется, та другая сторона Маркса, которую он держал в запасе, — бланкистский метод на замену метода Луи Бланка, — диктатура, большевизм. Этот метод действует теперь в России, достигая, повидимому, крайне незначительных результатов при очень больших затратах, устраняя всякий иной вид социализма до тех пор, пока социализм не оказывается вообще устраненным, а остается только государственность, интересы государства: на этом этапе он постепенно становится похожим на все другие современные типы государственности чистой воды. Будет ли он преуспевать или разрушаться, — все равно, он принадлежит к числу принудительных систем мрачного прошлого и чужд добровольным прогрессивным системам, в направлении к которым эволюция развивается в действительности.

Это направление эволюции жило в мозгу и перлах Бакунина и при всех положениях заставляло его работать в интересах того, что он считал наилучшей целью и методом разрушения принудительной си-

стемы, для замены ее свободным строем. Пройдя мимо детской религии, как не реальности, он стремился к освобождению через философскую мысль и через социальное чувство и коммунистическую ассоциацию. Затем, его влекли к себе освобождение и федерация национальностей, пока он, в конце концов, не увидел, что до тех пор, пока в националистах живет государственное начало, они стремятся гораздо больше к новым государствам, чем к солидарной федерации. С тех пор он уже никогда больше не оказывал им помощи. Он увидел, как эти националистические соблазны, соединенные с религиозным мистицизмом и некоторой долей расплывчатого рабочего реформизма, дали Мадзини огромное влияние в Италии, вызвали восхищение перед ним в Англии. Тогда Бакунин стал резко выступать против Мадзини на его родной почве в Италии и содействовал больше, чем кто бы то ни было другой, укоренению Интернационала в Италии, к великому гневу Мадзини. Маркс и Мадзини были наиболее мощными защитниками авторитарного принципа в Европе того времени, помимо прямых обладателей власти, Наполеона III, Каура, Бисмарка, царя и британских министров. Один был привлекателен в качестве патристического революционера, а другой в качестве непримиримого социалистического мыслителя, но оба были квинт-эссенцией авторитарности. Когда смерть вырвала перо из рук Прудона, их либертарного противника, в январе 1865 года, Бакунин только что успел начать, годом ранее, в 1864, борьбу против Маркса и Мадзини. Эту борьбу он вел на свой собственный манер и вел ее энергично в течение всей своей остальной жизни, пока хватало у него сил.

Его работа среди националистов научила его тому, что солидарность в одном единственном принципе недостаточна для настоящей совместной работы, и теперь он стремился к солидарности не только в социализме, но мечтал о полном и цельном социализме. Интеллектуальное освобождение являлось, по его мнению, основной

потребностью — не для широких масс, на которых он не мог оказывать прямого влияния и среди которых только позднейшая, истинно социалистическая практика могла создать истинно социалистические чувства, — а для тех, с кем он хотел вступить в тесную международную связь и сотрудничество. Поэтому он отверг божество, как его понимал Мадзини, и не поставил на его место никакой земной догмы, хотя бы то был сам Маркс. Позднее, он устранил национализм и установил принцип федерализма, подобно Прудону, П. Маргалу и Писакану. Его социализм был ассоциативным и вырос из идей местных ассоциаций, образующихся тогда, когда разбита власть государства и капитала; они должны федерироваться на местах, по округам и международно. Такие же идеи развивались в Бельгии в те годы, формулировались, главным образом, Цезарем де Папом, и, начиная с 1868—69, оба течения встретились, к ним присоединилось еще третье течение, течение передовых рабочих Испании, которые давно уже были ассоцианистами и федералистами, знали идеи Прудона, но предпочитали коллективистический синтез социализма и анархии.

Таковы были настоящие социалистические течения тех лет. Когда Маркс попытался передвинуть их в сторону политиканов, кандидатов на выборах, в то время, как эти течения стремились к Парижской Коммуне и другим подобным восстаниям, то из этой попытки возникли описанные выше разногласия и произошел раскол.

Бакунин признал новое критическое положение. Он видел, что после 1871 во Франции воцарилась могущественная клерикальная и роялистская реакция, он видел безпредельное господство империализма и милитаризма в Германии и приготовления России к войне на востоке. Рабочие в те годы казались ему бездеятельными, подавленными, пассивными. Его опасения за будущее были велики, как мы видим из того, что он писал в 1875 году, хотя от написанного в это время очень мало сохранилось и ничто не было напе-

тано в свое время. В сущности, тогдашнее положение было очень сходно с нынешним положением в Европе. Все надежды и чаяния Бакунина в тот критический период возлагались на возрождение свободного духа, на умственное освобождение от удручающей атмосферы повсеместной реакции, и действительно, его ожидания совпали с тем, что было действительно сделано в те годы для противодействия реакции. Интеллектуальное оживление наступило, реакции было оказано деятельное и разумное сопротивление, которое нашло себе выражение во французских выборах в начале 1876 года, нанесших первый действительный удар реакционному режиму. Бакунин, как это засвидетельствовали очевидцы, был в восхищении, и его последние месяцы были бы облегчены, если бы его не давило такое множество забот и физических страданий, преследовавших его до тех пор, пока он не мог уже больше сопротивляться. Из Лугано он сделал мучительный для него переезд в Берн, где его лучшие друзья, д-р Адольф Фогт и его еще более близкий старый друг Адольф Рейхель могли лишь смягчить последние недели умиравшего человека, для которого не оставалось больше надежд.

В изложенных выше замечаниях я мимоходом коснулся методов Международного Братства и Альянса, созданных Бакуниным. Это было необходимо для более полного понимания деятельности Бакунина. Конечно, я не мог входить в подробности по этому поводу. Многие из этих подробностей были уже приведены в печати и поданные тексты также извест-

ны. Во всем этом не было никакой конспирации, а было лишь величайшее желание создать разумное и тесное сотрудничество независимых организаций. Совершенно понятно, что в своих публичных речах и статьях Бакунина не касается этих вопросов, за одним единственным исключением, в позднейшее время. Поэтому читатели его легальных статей должны сами попытаться уяснить себе, где выступает у Бакунина этот принцип. Бакунин ничего не хотел писать против него, но он не мог также и открыто провозгласить то, что был тайным делом. Недоразумения всегда возникали именно по этой причине, и однажды, в 1914 году, они приняли такие размеры, что Малатеста вмешался и очень откровенно изложил относившиеся к Альянсу факты. Он никогда не существовал в том виде, в каком изобразил его Маркс, а всегда находил свое выражение в том тесном сотрудничестве, которое я пытался описать выше. Как я уже сказал по другому случаю и как я доказал это с помощью документов, Кропоткин, начиная с 1877 года, сам был душой этой внутренней дружбы.

Эта статья, как видят читатели, представляет собою попытку разрешить существующие затруднения в деле изучения и понимания трудов Бакунина. Я не мог касаться здесь этих трудов по существу, ибо это — предмет, который требует целых книг, а не статей, принимая во внимание размеры личности Бакунина, который, чем больше времени проходит со дня его смерти, тем все больше кажется живым.

М. НЕТТЛАУ.

П. А. КРОПОТКИН.

МИХАИЛ А. БАКУНИН.

Старик Бланки нередко говорил, что значение событий измеряется не столько их непосредственными результатами, сколько их косвенными последствиями, которые всегда бывают гораздо важнее первых. Точно также, говоря о Бакунине, следует оценивать его значение не потому, что он сделал лично, сколько по влиянию, которое он оказывал на окружавших его людей — на их мысль и на их деятельность. Его литературное наследие не велико. «Государственность и Анархия», «Историческое развитие Интернационала», «Бог и государство», (Dieueti Etat), — и вот три написанные им небольшие книги. Остальное «Кнута — Германская Империя», «Письма французам о настоящем кризисе», «Теологическая политика и Мадзини», «Бернские медведи» и другие — все это брошюры, написанные по данному вопросу минуты. Даже вышеперечисленные три книги имеют такое же происхождение. Бакунин садился с целью написать брошюру в ответ на запросы дня. Но его брошюра разрасталась в книгу, потому что при его глубоком понимании философии истории, с его громадным запасом знания современных событий, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другой. Если вспомнить все то, что он и его друзья — а его друзья были Герцен, Огарев, Мадзини, Ледрю - Роллен и все лучшие люди и деятели революционного периода сороковых годов в Европе — перелудали об этих, пережитых ими драмах, надеждах, разочарованиях; если вспомнить все, что они пережили во время полных надежд 1848-го года и последовавшей за тем реакции — легко понять, как мысли, образы, доводы почерпнутые из знания жизни, должны были ройтись в голове Бакунина, и почему его философско-исторические воззрения так щедро пересыпаны фактами и суждениями из современной

действительности. Любопытно, однако, что каждая брошюра Бакунина отмечала поворотную точку в истории революционной мысли в Европе. Его речь на конгрессе «Мира и свободы» была вызовом, брошенным всем радикалам Европы. Бакунин объявлял в ней, что эпоха радикализма сороковых годов закончена и наступает новый фазис революционной жизни — эра рабочего социализма, что рядом с вопросом о политической свободе встает вопрос об экономической независимости, и этот вопрос будет впредь преобладать в истории. Его брошюра, обращенная к мадзиняцам, возмущает конец чисто политической революционной конспирации ради национального освобождения и начало социалистической революции, а также конец сентиментального социалистического христианства и начало атеистического коммунистического реализма в истории.

Письмо Герцену об Интернационале и базаровском реализме имеет тот же смысл для России. «Бернские медведи» — прощальное слово швейцарскому буржуазно-демократизму, а «Письма Французам», написанные во время войны 1870—71 года, составляют отходную гамбеттовскому радикализму и возвращение той новой эры, которую вскоре открыла собою Парижская Коммуна, отбросившая идею дуи-блановского государственного социализма и возвестившая новую идею городского, коммунального коммунизма. Коммуна, вставшая на защиту своей территории и начинающая у себя социальную революцию — вот что рекомендовал он в этих «Письмах»: против немецкого вторжения. «Кнута-германская империя», — брошюра, которую так ненавидят немецкие демократы — пророческий крик старого революционера, понявшего уже тогда (1871) весь ужас реакции, которая охватит Европу на целые тридцать — сорок лет вследствие торжества Бисмарковского военного государ-

ства, а с ним вместе и государственного социализма, которого крестным отцом в Германии был тот же Бисмарк. Она вместе с тем, означала крутой поворот в сторону безгосударственного коммунизма, — Анархии — в латинских странах. Наконец «Государственность и Анархия», «Историческое развитие Интернационала» и «Бог и Государство», — несмотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, так как писались ради злобы дня, — содержат для вдумчивого читателя больше политической мысли и больше философского понимания истории, чем масса трактатов, университетских и социал — государственных, в которых отсутствие мысли прикрывается туманною, неясною, а следовательно не продуманною диалектикою. В них нет места для готовых рецептов. Люди, ждущие от книги разрешения всех своих сомнений, без собственной работы мысли, не найдут этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слепо за автором, а смотреть на книгу, как на материал для мышления, — как на умную беседу, вызывающую в вас умственную работу, — тогда горячие, местами беспорядочные, а местами блестящие обобщения Бакунина помогут вашему революционному развитию несравненно больше, чем все вышеупомянутые трактаты, написанные с целью уверить вас, что вы годны только для повиновения и должны слепо идти за автором в вашей мысли, и за главарем — в вашей деятельности.

Впрочем, главная сила Бакунина была не в его писаниях. Она была в его личном влиянии на людей. Он сделал Белинского тем, чем он стал для России: типом неподкупного революционера, социалиста и нигилиста, который воплотился впоследствии в нашей чудной молодежи семидесятых годов. Он возродил его. «Ты мой духовный отец», писал ему сам Белинский. А какую громадную силу был Белинский для русского развития — мы знаем. В Париже, в 1847 году (в этом году его изгнали), и в Германии в 1848

году, его влияние на лучших людей своего времени было громадно. Бернард Шоу рассказывает в полшутливой форме (The Perfect Wagnerite), что в своем Зигфриде, не знаящем страха и увлекающем своею любовью Брунгильду, Вагнер воплотил Бакунина. Он воплотил, конечно, не Бакунина в частности, а смелого, дерзкого революционера вообще. Но нет сомнения, что и на Вагнера, как и на Жорж Занд, и на Герцена с Огаревым, и на весь кружок социалистической Франции, жившей тогда в Париже, и на Молодую Германию, и на Молодую Швейцарию, Бакунин оказал в свое время огромное влияние. — «К нему нельзя было подойти, не заразившись его революционною горячкою», говорили о нем его современники.

Таким же оказался он, когда, бежавши в 1862 году из Сибири, он появился снова среди своих друзей в Лондоне. Герцен, как известно, описал его появление в Лондоне, и слегка подсмеивался над тем, как Бакунин пропагандировал всяких славян. Весьма возможно, и наверно так и было, что Бакунин часто возлагал большие надежды на подхлывших к нему людей, чем они того заслуживали. Но разве того же нельзя сказать о Мадзини, о всяком искреннем революционере? Оттого может быть, он и обладал такою магическою силою, что верил в человека, верил в то, что великое дело, к которому он его приобщал, пробудит в человеке то, что в нем есть лучшего. И оно действительно пробуждало, и под влиянием Бакунина, человек давал революции в короткое время все лучшее, на что был способен. Герцен рассказывал в шутливом тоне, как Бакунин пропагандировал и посылал людей на дело. Но — правда ли, что он действительно так ошибался в людях?.. Разве люди, которых он вдохновлял в Италии, в Швейцарии, во Франции, разве Варлей, Элизе Реклю, Кафьеро, Малатеста Фанели (его эмиссар в Испании), Гильом, Шницгелль и т. д., сгруппировавшиеся вокруг него в знаменитый Альянс не были луч-

шие люди латинских рас в эту великую эпоху? Мне кажется, что его оценка людей была, наоборот, поразительно верна. Прочтите, например, то, что он писал об Нечаеве, которого и сильные и слабые стороны он определил так поразительно верно, что мы теперь ничего не можем прибавить к его оценке. Кто же лучше его понял Николая Утина — этого женевского божка марксистов? Еще одно. Всего поразительнее и всего поучительнее для нас — высокий нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокруг Бакунина в Западной Европе. Я не знал Бакунина, но я знал близко большую часть людей, сгруппировавшихся в Интернационале вокруг него, и поэтому так неумолимо преследовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смело утверждаю, в лицо их ненавистникам, что каждый из вышеназванных мною деятелей федеративного Интернационала представлял собою крупную нравственную личность. История, я знаю, подтвердит эту характеристику и, конечно, выскажет при этом сожаление, что в среде их противников, — по крайней мере, в лице их главных руководителей, — был, может быть, ум, но нравственные начала не достигли такой же высоты и твердости, как среди названных мною друзей Бакунина.

Что касается, наконец, значения деятельности Бакунина в Интернационале, то я охарактеризовал роль «бакунистов», го-

воря в моих «Записках» о Юрской Федерации. В эпоху когда разгром Франции, избиение парижских пролетариев после Коммуны и военного торжества немецкой Империи, открыли период реакции, продолжающейся понинее, и когда Маркс со своими друзьями, с помощью подпольных интриг захотел обратить всю деятельность рабочего Интернационала, созданного для прямой борьбы с капиталистами в орудие парламентской агитации на пользу обуржуазившихся социалистов, «бывших людей» — тогда Федеративный Интернационал, вдохновляемый Бакуниным, выступил единственным в то время оплотом против общеевропейской реакции. Ему мы обязаны в значительной мере тем, что в латинских странах остался живым революционный дух, который нашел в рабочих латинских массах новую живую силу, чтобы бороться с резким поворотом на лево кругом среди некогда радикальной буржуазии. И среди этой молодой живой силы, обаявшейся на свой страх, без всякой поддержки со стороны буржуев, войну всему старому миру, — в этой среде развился, наконец, современный анархический коммунизм с его идеалом равенства экономического и политического и его смелым отрицанием всякой эксплуатации человека человеком.

Таковы заслуги Бакунина в истории.
П. А. Кропоткин.

3. МАЛАТЕСТА.

Моя первая встреча с Бакуниным.

Это было в конце лета 1872 года.

Неаполитанская Федерация Интернационала Трудящихся делегировала нас, меня и Кафиеро, чтобы представлять ее на конгрессе, который должен был состояться в Швейцарии (и который действительно состоялся в Сент-Иммер, в Юрской Швейцарии) на основании соглашения между всеми враждебными Генеральному Совету секциями, который под руководством Карла Маркса хотел подчинить всю Ассоциацию его диктаторскому авторитету, и повести не к уничтожению, а к захвату политической власти.

Я был окончательно захвачен этой борьбой, от которой зависела участь Интернационала и будущее революционного и социалистического действия.

Я был молод и, естественно, я чувствовал себя счастливым поехать на Конгресс, войти в прямые сношения с товарищами многих стран, и, возможно также, горд тем, что смогу сделать слышным мой голос. В этот возраст, если человек не лирик, всегда немного горд сам собой. Но что меня больше всего вздувало, была мысль, что я познакомлюсь с Бакуниным, что стану (вне всякого сомнения) его лучшим другом.

Бакунин был в Неаполе, как легендарный герой. Был он, думаю я, в 1864 и в 1867.

Говорили о нем, как о личности особенной, и, как всегда, преувеличивались его качества и его недостатки. Говорили о его гигантском росте, о его сильном аппетите, об его легендарном безразличии, его величественном презрении к деньгам.

Расказывалось, что приехав с большой суммой денег в Неаполь, где тогда находились некоторые польские революционеры, спасшиеся от репрессий, которые последовали за восстанием 1865 года, Бакунин отдал половину всего, что он имел первому встретившемуся ему нуждающемуся поляку; затем половину той половины,

которая у него осталась, второму, продолжая так, пока остался без сантима, что случилось очень скоро. Тогда он принимал деньги от друзей с тем же безразличием большого барина, с каким раздавал свои. Но это, как и другие вещи, было также легендой. Важным был весь шум, который был поднят во всех передовых кругах, или считавшихся таковыми, вокруг идей Бакунина. Они встрясли все традиции, все догмы социальные, политические, патриотические, считавшиеся до того времени неаполитанским «интеллигентами», как истины, непоколебимые и неопровержимые.

Для одних Бакунин был северным варваром без Бога и без отечества, неуважающим ничего святого и представляющим собою опасность для святой цивилизации итальянской и латинской. Для других был человеком, который заставил пройти струю живительного воздуха над застоившимся болотом неаполитанских традиций, человеком, который открыл глаза молодежи, и направил ее к новым широким горизонтам, и эти Фанели, Деллоки, Гамбуци, Туцци, Палладино и другие были первые социалисты, первые интернационалисты, первые анархисты в Неаполе и в Италии.

Таким образом, следовательно, вследствие слушания разговоров о Бакунине, он стал, в том числе и для меня, легендарной личностью, и знать его, приблизиться к нему, согреться его огнем, было для меня жгучим желанием, почти что одержимостью.

И эта мечта должна была осуществиться.

Итак, я поехал с Кафиеро в Швейцарию.

В это время я был болен, харкал кровью и меня считали легочным больным или чем-то в этом роде, тем паче, что мои родители, моя сестра и брат умерли от болезни легких. Переходя ночью через Сен

Готард (в то время туннель еще не существовал и необходимо было перебираться на почтовых через снежную гору), я простудился, и приехал в Цюрих в дом, где жил Бакунин, ночью с кашлем и с лихорадкой.

После первого приема, Бакунин мне устроил нечто вроде постели, пригласил, почти заставил меня, улечься на ней, укрыл меня всем теплым, что только мог собрать, напоил прегорячим чаем и порекомендовал мне быть спокойным и спать.

И все это с осторожностью и мягкостью почти материнской, которые меня прямо умилили. В то время, когда я согревался под одеялами, Бакунин думал, что я сплю, говорил вполголоса, хвалил меня и добавлял грустно: «Жаль, что так болен, скоро мы его потеряем, он не проживет больше шести месяцев!» Я не придавал значения этому грустному предсказанию, потому что мне казалось невозможным, чтобы я мог умереть (даже и теперь в мои семьдесят с чем-то лет мне трудно это себе представить), но мне казалось почти преступлением умереть, когда столько было чего делать для человечества: я чувствовал себя счастливым, что меня уважал этот человек, и я дал себе слово сделать все возможное, чтобы быть достойным похвалы. На следующий день я поднялся излеченным и начал с Бакуниным и другими швейцарцами, испанцами и французами бесконечные дискуссии, которым Бакунин знал как придать столько увлекательности.

Мы поехали в Сен-Иммер, где—забавная черта народной психологии — мальчишки встретили Бакунина криками: «Да здравствует Гарибальди!» Гарибальди, о котором они больше всего слышали, должен был быть колоссом. Бакунин был колоссом, его видели окруженным и чествуемым и думали, что он не мог быть никто иной, как Гарибальди.

Приняли участие в Конгрессе, затем вернулись в Цюрих, все время дискуссия, принимая решения и делая проекты до самой ночи.

Когда я познакомился с Бакуниным,

он был уже старик и был надломан болезнями, которые он захватил в тюрьмах и в Сибири, но я видел его всегда полным энергии и энтузиазма, и понял его заразительную силу. Было невозможно, чтобы молодой человек приблизился к нему, не почувствовал себя зажженным священным огнем, чтобы не увидел свои горизонты расширенными, не почувствовал себя рыцарем великой идеи, чтобы не делал прекраснейших планов.

И это бывало со всеми, кто чувствовал его влияние. После, некоторые из них потеряв прямое общение с ним, меняли мало-по-малу свои идеи и характер и терялись на разных путях, другие чувствовали всю жизнь его влияние, и если еще живы, чувствуют его и теперь. Но я думаю, что нет никого, кто бывал у Бакунина, даже хоть немного, кто бы не возвращался лучшим.

Чтобы кончить, расскажу характерный анекдот. Возможно, что я его рассказывал в другом месте, но он вполне заслуживает, чтобы повторить его.

В эпоху конгресса в Сен-Иммер, Энгельс и Маркс, завидовавшие его популярности, делали все усилия, чтобы распространить клевету на Бакунина, представляя его как личность сомнительную, и даже агентом царизма.

Однажды заговорили об этом в присутствии Бакунина, и все были страшно возмущены, когда один из нас, не отдавая себе отчета о том, что хотел сказать, сделал такое предложение: «Нужно платить этим людям их же монетой: они клеветают, будем клеветать и мы».

Бакунин встрепнулся как раненный лев, прожег взглядом того, кто сделал это предложение, выпрямился во весь свой гигантский рост и воскликнул: «что ты говоришь, несчастный! Нет, лучше быть тысячу раз оклеветанным, если даже эта клевета и должна быть услышанной, чем опуститься перед самим собой и стать клеветником».

Еще и теперь вижу его великолепный жест.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

БАКУНИН — АНАРХИСТ.

«Свобода — неделима. Нельзя урезать часть, не убив целого».

М. А. Бакунин

Бакунина, как революционера, как бойца, бывшего всегда там, где массы возмущались, возставали и боролись против власть имущих и привилегированных, знают многие. Его участие в революционных выступлениях и в национальных движениях в Праге, Саксонии, Италии, Франции; его нравственное участие во всяком крупном общественном движении середины 19 века описывались, рассказывались и пересказывались. Одни хвалили его, другие поносили, но все почти всегда говорили о Бакунине революционере, — все говорили о великом интернациональном бунтаре.

Но как об анархисте, о нем почти всегда говорили мало, или даже старались не говорить совсем. Бросали где нибудь вскользь одну или другую ходячую фразу, приписываемую Бакунину, хотя часто эта фраза принимала окончательно другой вид и имела смысл далекий от того, который вкладывал в нее сам Бакунин.

О его же анархических идеях, которые захватили его к концу его жизни, о его взглядах на жизнь, на общество, на революцию, на роль в ней масс, о той экономической базе новой общественности, которую проповедывал этот великий бунтарь мысли и духа, об этом многие даже те, которые и претендуют быть его последователями, стараются не говорить.

Ибо Бакунин, как анархист, был далек и есть далек, от всех тех, кто из общечеловеческого идеала пересоздания общественной жизни, из прекраснейшего идеала любви и взаимного уважения человека человеком, хотят сделать политическую идею руководства и верховства одной группы, партии, класса или слоя над всеми остальными человеческими массами.

Поэтому будет не лишне привести в поддержку сущность его анархических

взглядов, которые лучше всяких изложений в синтезе подлинно отразят его анархическое мировоззрение и его взгляды на все важнейшие общественные вопросы. Особенно же его взгляд на революцию и роль в ней личностей и групп личностей.

**

«Для того, чтобы избавиться от своей судьбы, — говорит Бакунин в «Бог и государство, — народ имеет три средства: два фантастических и одно реальное. Первые два средства, это кабак и церковь, третье, это — социальная революция».

Но «спасение, — говорит Бакунин в другом месте, — возможно только посредством социальной революции», т. е. посредством «уничтожения всех учреждений неравенства и установления экономического и социального равенства».

Но «революции не импровизируются, — говорит он в своей «Политике Интернационала», — они не делаются по воле отдельных личностей, ни даже самых могущественных ассоциаций. Они независимо от всякой воли и от всякого заговора всегда приходят в силу хода самых вещей. Их можно предвидеть, иногда предчувствовать, но никогда нельзя ускорить их взрывы».

Причем, «чтобы произвести коренную революцию надо подкосить самый порядок вещей, разрушить собственность и государство, тогда не придется уничтожать людей и подвергать себя неминуемой реакции, которую повсюду и всегда вызывала резня людей».

Ибо «под революцией мы понимаем взрыв страстей, называемых злыми, и уничтожение всего того, что на современном языке называется общественным порядком».

Но революция, по мнению Бакунина, разразится не против людей, а против условий и положений. Ибо, хотя «кровавые революции часто необходимы вслед-

стве человеческой глупости, но они постоянно зло, страшное зло и большое несправедливое не только из-за жертв, но и вследствие чистоты и совершенства цели, во имя которой они совершаются.

Поэтому «для того, чтобы революция увенчалась успехом, она должна быть направлена не против людей, а против учреждений, а именно: против собственности и ее неизбежного последствия: государства».

Ибо «социализм (анархизм) не жесток, он в тысячу раз человечнее якобинства, я хочу сказать, политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, хорошо зная, что все люди, дурные или хорошие, суть лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали им общество и история. Социалисты (анархисты), правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции, в порыве гнева, народ не истребил несколько сотен лиц, среди наиболее глупых, наиболее яростных и наиболее опасных: но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической резне».

«Социализм (анархизм) будет вести беспощадную борьбу против «социальных положений», а не против людей. И когда эти положения будут уничтожены, люди, занимавшие их, обезоруженные и лишённые всех средств практически действовать, станут безвредными и гораздо менее сильными, уверяю вас, чем самый невежественный рабочий, ибо их теперешняя сила заключается не в них самих, не в их внутренних присущих им качествах, а в их богатстве и в поддержке государства».

«Социальная революция, стало быть, не только пощадит их, но поборова их и лишив оружия, поднимет их и скажет им: «Теперь, дорогие товарищи, когда вы стали нашими равными, принимайтесь за работу вместе с нами. В труде, как и во всем другом, первый шаг — труден, и мы по братски поможем вам переступить его». «Тогда те, кто будучи крепок и здо-

ров, не захочет зарабатывать себе жизнь трудом, будут иметь право умереть с голоду, если только не захотят вести скромное и жалкое существование на счет общественной благотворительности, которая, конечно, не откажет им в строго необходимом». (Собрание сочинений, том 5, стр. 200).

Так понимал Бакунин — анархист социальную революцию и таковой проповедывал ее этот великий бунтарь миру. Как далеки от этого великого идеала Бакунина многие старающиеся говорить от его имени!

**

Бакунин был великим бунтарем против существующих зол, против гнета и насилия одной части населения над другой в современном обществе. Но он был не менее беспощаден к претензиям тех, кто хотел взять власть и привилегии из рук буржуазии и передать ее в руки революционных партий или даже пролетариата.

«Время великих политических личностей прошло, — писал Бакунин. Когда дело шло о совершении политических революций, они были на своем месте. Политика имеет целью образование и сохранение государств. Но «государство» означает господство с одной стороны, и подчинение с другой. Крупные, господствующие личности, стало быть, абсолютно необходимы в политических революциях. В социальной же революции они не только бесполезны, но окончательно вредны и несовместимы с самой целью, т. е. с освобождением масс».

Не менее горячо выступал Бакунин и против революционной власти или руководства пролетариата во время революции.

«Спрашивается, — говорит Бакунин, — если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, остается еще другой пролетариат, который будет подчинен этому господству, например, хотя бы крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на высшей ступени ку-

льтуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом».

Но «по какому праву рабочие навязали бы крестьянам какую бы то ни было форму правительства или организации? По праву революции, говорят. Но революция перестанет быть революцией, когда вместо того, чтобы вызывать свободные проявления масс, она возбуждает реакцию в их недрах.

«Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же они предоставляют обе одно и то же — управления большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и жнимого ума последнего.

«Никакая диктатура не может иметь другой цели кроме увековечения себя. Она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее только рабство; свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольной организацией рабочих масс снизу вверх».

Исходя из анархических принципов, Бакунин и будущую общественную организацию так же как и организацию анархических революционных сил базировал на полной свободе.

«Скажем раз и навсегда... областной федерализм мог бы быть лишь аристократически — консортейским учреждением. Ибо по отношению к коммуна и промышленным и сельскохозяйственным рабочим товариществам это было бы опять политической организацией сверху вниз. Истинно народная организация, наоборот, начинается снизу, с товариществ и комму. Организуя таким образом, снизу вверх, федерализм становится... свободной и самопроизвольной организацией народной жизни».

«Организацию общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и сельскохозяйственных, как научных, так и искусства и литературы, сначала в коммуны, потом в

федерации коммун и в области, области в нации и нации в международный братский союз», вот что проповедывал Бакунин.

Людей в таком обществе будет связывать не высшая власть, а правовая сила договора. «Моя свобода, или мое человеческое достоинство состоит в том, что я, как человек, имею право никому не повиноваться и поступать по своему», утверждает Бакунин.

«Человеческая справедливость, — настаивает он, — не признает вечной обязанности. Все права и обязанности основаны на свободе. Право свободного объединения и распада есть самое первое и самое главное из всех политических прав».

«Свобода это основание всех прав и обязанностей. Право свободного соединения и разделения, — повторяет Бакунин, — есть первое и важнейшее из всех политических прав. Без этого права союз был бы только замаскированной централизацией».

Вот каковы в синтезе идеи анархиста Бакунина о революции, о будущем обществе и о методах и формах ее организации.

Бакунин все свое учение базировал на живой активной человеческой личности и базой и основанием для этой активности считал свободное проявление себя этой личности.

В свободе видел Бакунин первое основное условие для возможности социальной революции, и свободное и добровольное проявление личности считал первым и основным условием для возможности создания новых свободных форм общества.

Ибо, по его пониманию, «свобода может быть создана только свободой».

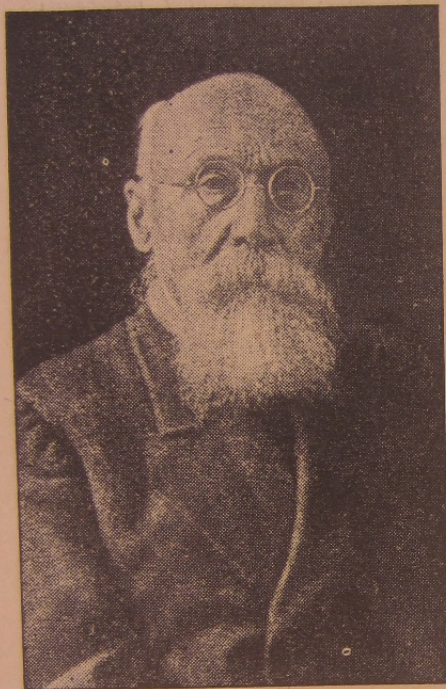
Причем «свобода — неделима. Нельзя урезать часть, не убив целого».

Анатолий Горелик.

Буэнос-Айрес.

М. П. САЖИН,

1845—1934.

Минувшей зимой скончался в Москве старый анархист, Михаил Петрович Сажин, известный в революционном движении под именем Армана Росса. С именем Сажина связано много больших мировых событий. Да и неудивительно: Сажин дожил до глубокой старости—чуть ли не до 90 лет. За такой период времени, действительно, было на что насмотреться!

Начал свою деятельность Сажин на заре русского революционного движения. Уже в 1865 г. он привлекался к ответственности за распространение книги Бюхнера «Сила и материя». А немного спустя он изведал, что такое ссылка.

Массового революционного движения в России в то время еще не было. Раздавались голоса только отдельных личностей.

Имя Н. Г. Чернышевского пользовалось наибольшей популярностью, как среди учащейся молодежи, так и вообще среди всех тех, кто был недоволен существующими порядками. Нечего и говорить, что Сажин — тогда еще совсем молодой человек — увлекся автором «Что делать?». Он читал все, что писал Чернышевский, и, конечно, возмущался гонением, предпринятым царским правительством против популяризатора идей Фурье и Маркса. Сажин лично присутствовал при совершении над Чернышевским гражданской казни. Акт этот взволновал всю страну. В Чернышевском видели мученика за народное дело. Ему посылали приветствия, бросали цветы даже тогда, когда Чернышевский находился уже в жандармской карете.

Симпатии Сажина к Чернышевскому, конечно, были известны властям. Отчасти за это, отчасти за причастность к делу Караказова, а — главное — за организацию и призыв студентов к демонстрации Сажин был арестован и сослан в ссылку. Место ссылки — Вологда — в то время не было даже соединено железной дорогой с остальными центрами страны. В ссылке Сажин познакомился с такими людьми, как Н. Шелгунов и П. Лавров. С последним ему пришлось встречаться позже — уже когда оба они были заграницей.

Каждый ссылный, как известно, теряет надежду о бегстве. Пришла эта мысль и Сажину, и он ее выполнил. Местом бегства он избрал Нью Йорк, в то время мало кому известный в России. Маршрут лежал через Москву, Харьков, Одессу... Где на лошадях, где поездом, а где пешком — Сажин, наконец, добрался до Одессы. Но тут его ожидала неудача: он не мог попасть на пароход, отходящий за границу. Пришлось из Одессы направляться в Бессарабию и там пеш-

ком «красть» границу. Нечего и говорить, что по тем временам путешествие из Вологды в Нью-Йорк являлось целым событием, особенно для человека, бежавшего из ссылки и располагавшего весьма ограниченными средствами. Однако, Сажин преодолел все трудности: он добрался до Нью-Йорка. Очень жаль, что Сажин нигде в своих «Воспоминаниях» (книга, вышедшая из печати в 1925 г.) не говорит о том, что ему пришлось пережить в стране Колумба. Для нас, живущих в этой стране, несомненно было бы интересно знать — как жил Сажин в Нью-Йорке. Известно лишь, что он жил в Америке во многих городах и работал на заводах.

В то время в Европе начала зарождаться русская эмиграция, состоявшая преимущественно из учащейся молодежи. Цюрих оглашался русской речью. Сажин был вызван из Америки в Европу для работы среди студенчества. Здесь ему предстояло не мало встреч с людьми, имена которых крупными буквами вошли в историю. Среди них: Герцен, Бакунин, Огарев, Кравчинский, Нечаев, Маркс, Лавров, которого Сажин знал еще из России. Больше всех Сажин сошелся и подружился с Бакуниным. С этих пор Сажин определенно становится анархистом. Он — правая рука Бакунина.

Следует отметить, что Сажину сравнительно недолго пришлось поработать на ниве анархизма, но плоды его деятельности — огромны. То русское анархическое движение, которое пышно расцвело в 70 г.г. за границей, почти полностью обязано Сажину, работавшему, как мы уже отметили выше, под псевдонимом Армана Росса. Свою организаторскую деятельность начал Сажин с создания библиотеки в Цюрихе. Эта библиотека вскоре стала настоящим оазисом для русской учащейся молодежи. Туда широкой рекой потекло студенчество. Открылась широкая возможность для распространения анархических идей, как посредством книг, так и при помощи устройства лекций.

Бакунин стал кумиром студенчества.

Великую услугу для анархизма Сажин оказал также тем, что он взял на себя печатание книг Бакунина. Зная типографское дело, Сажин в этом отношении оказался незаменимым соратником Бакунина. Все, что выходило из под страстного пера великого бунтаря, Сажин превращал в печатное слово и тем самым способствовал ознакомлению широких масс с идеями безвластия. Писал иногда и сам Сажин в периодических изданиях, но тем не менее он был больше человеком живого дела, чем отвлеченной мысли. Об его организаторской способности красноречиво свидетельствует тот факт, что позже, когда Сажин был уже в России, в его руки была вручена вся административная часть журнала «Русское Богатство».

Парижская Коммуна застала Сажина в полном разгаре революционной деятельности. Долго не думая, Сажин оставил Швейцарию, отправился тайно в Париж, где и оставался до самых последних дней Коммуны. Из русских революционеров Сажин — почти единственный человек, лично принимавший участие в борьбе парижских рабочих за освобождение. Правда, в момент провозглашения Коммуны в Париже находился Лавров. Но Лавров, как человек мысли, мог оказывать помощь возставшему населению только словом, но не делом. К тому же Лавров по каким-то поручениям вскоре должен был переехать из Парижа в Лондон. Сажин же оставался в Париже до тех пор, пока не пала последняя баррикада. И оставался не простым зрителем, а самым отважным защитником Коммуны, всегда державшимся на передовых позициях. После подавления Коммуны Сажину долго пришлось скрываться от разъяренных версальцев, а затем, прикрывшись официальным видом иностранца, бежать из Парижа.

Другой случай, где Сажину пришлось принять участие в восстании, имел место в Герцеговине. В 1874 году южные славяне восстали против турок, и Сажин вместе с Кравчинским поспешил примк-

путь к этому возмущению.

Подобно своему учителю, Бакунину, Сажин отличался кипучей натурой. Он не мог сидеть сложа руки. Ему всегда нужно было действовать. За эти порывы к действию Сажину впоследствии пришлось дорого поплатиться. Горя жаждой революционных боев, Сажин в 1875 году отправился тайно в Россию в надежде поднять на Урале возмущение. Надежда не оправдалась. Сажин уже начал было пробираться назад за границу, но на границе он был арестован. Его судили, посадили в тюрьму, а затем сослали в ссылку. Бежать вторично из ссылки ему уже не удалось. Не довелось ему больше увидеть ни Бакунина, ни того анархического движения, которое расцвело в западной Европе, с приездом туда П. Кропоткина.

Таким образом, мы видим, что Сажину суждено было принимать активное участие в анархическом движении не более пяти лет (1870—1875). Но, какие это были времена!... Не говоря уже о Парижской Коммуне, — это был расцвет и закат Интернационала; это был исторический спор Бакунина с Марксом. Сажин принимал самое живое участие во всех спорах. Он отстаивал точку зрения Бакунина, сводившуюся к тому, чтобы не дать укрепиться централизаторским идеям Маркса. Сажину пришлось лично присутствовать на том съезде Интернационала, на котором Маркс, возманив себя генералом от пролетариата, исключил Бакунина из Интернационала, и тем самым вынес этому международному объединению смертный приговор. Если бы не диктаторские замашки Маркса, Первый Интернационал, быть может, просуществовал бы и до наших дней.

Вся эта печальная история произошла на глазах Сажина. Интернационал только что начал завоевывать значение, только что начали обращать на него внимание, и, вот люди, заседавшие в Генеральном Совете, погубили его. Тяжело было Сажину переживать это. Еще тяжелее было слышать клевету из Бакунина — человека совершенно бескорыстного, всю

свою жизнь отдавшего революции. И Сажин везде давал достойный отпор врагам анархизма, как тайным, так и явным. Иногда дело доходило даже до того, что противники Бакунина устраивали тайные засады на Сажина с намерением расправиться с последним при помощи физических «аргументов».

Об одном из таких случаев Сажин рассказывает в своих «Воспоминаниях». Очень жаль, что «Воспоминания» печатались в СССР. По цензурным условиям автор не мог рассказать о том, что предпринимал Маркс против Бакунина. Автор вынужден был ограничиться лишь спором, «бакунистов» с «лавристами».

Последние годы Сажин прожил на свободе, — той свободе, которая возможна в СССР для человека с анархическим мироощущением. Сов. правительство не решалось преследовать Сажина. Да и как было его преследовать? Ведь он являлся живой нитью, связывающей Маркса с марксистским (яко-бы) строем в СССР. Сажин лично знал того человека, учение которого большевики яко-бы осуществляли. Поневоле пришлось этого живого свидетеля Парижской Коммуны и Интернационала оставить в покое. Впрочем, Сажин в последние годы по причине своего преклонного возраста активного участия нигде не принимал. Следовательно, и преследовать его было не за что.

На смерть Сажина откликнулись многие общественные деятели, в том числе и бывший редактор «Русского Богатства», А. Петрицев, с которым Сажину пришлось проработать несколько лет. Петрицев не разделял социальных взглядов Сажина, но тем не менее он должен был заметить, что, глядя на Сажина, казалось, что власти существуют только для того, чтобы мешать человеку работать. Своим личным поведением Сажин давал пример, что человек наиболее продуктивно может работать только тогда, когда он свободен, когда нет над ним никакой власти. «Глядя на него (на Сажина. А) — говорит Петрицев, — казалось, власти только для

того и существуют, чтобы мешать ему работать». Эта характеристика в достаточной мере определяет истинную суть анархиста.

За исключением 6-ти летнего пребывания за границей, Сажин всю свою долгую жизнь прожил в России. Родился он в Вятской губернии. Затем был перевезен в Костромскую губернию, а оттуда в Петербург. Здесь он учился, здесь же получил первое революционное крещение. Из Петербурга — ссылка в Вологду; бегство в Америку; возвращение в Европу, а затем — в Россию. Быстро промелькнули эти годы; потянулись, затем, мучительные годы каторги и ее финал — ссылки. Сажину пришлось долгие годы прожить в Восточной Сибири. Когда он отбыл срок ссылки, в живых уже не было ни Бакунина, ни Лаврова, ни Кравчинского, ни Маркса, ни Интернационала. За границу Сажина уже не потянуло; он остался в России, в роли, как мы отметили выше, заведующего административной частью народного журнала «Русское Богатство».

Несмотря на то, что Сажин за границей прожил шесть лет, а в России — 83 года, однако, известность ему дали именно те немногие года, которые он прожил за границей. В России по причинам, от Сажина независимым, он вынужден был бездействовать. Жизнь в России Сажина до известной степени напоминает судьбу его первого учителя — Чернышевского, который, как известно, тоже значительную часть своей жизни провел в ссылке. Иное дело за граница. Здесь Сажин кипел, волновался, действовал. За шесть лет он оставил заметные следы в анархическом движении. Это он выпустил в свет первое издание «Государственности и Анархии», «Анархии по Прудону», «Истории Интернационала» и т. д. Это он предостерег в нужный момент анархическое движение от нечаявщины. Это он отбил все атаки на Бакунина со стороны Маркса, Утина и др. Это он породил «россоновцев», т. е. анархистов среди русской учащейся молодежи за границей. Вера Фиг-

нер — живой свидетель этой работы Сажина.

Сажин начал свою революционную деятельность как раз в тот год, когда умер П. Ж. Прудон. Ему не пришлось увидеть автора «Что такое собственность?». Но он горячо отстаивал идеи Прудона в Интернационале. Он выпустил первую книгу на русском языке, излагающую идеи Прудона. Он дрался на баррикадах в том самом городе, в котором работал и умер Прудон. Неизвестно — были ли знаком Сажин с Э. Реклю, но о своей дружбе с Гильомом он часто упоминает. Встречался он и с Кропоткиным, но, к сожалению, вместе им не пришлось работать. Это очень печально, ибо их совместная работа дала бы очень много для анархического учения. Кропоткин, как систематизатор в теории, а Сажин, как систематизатор на практике — прямо дополняли бы друг друга.

Сажин был моложе Кропоткина на три года, пережил же его на 13 лет. Судьба все время как-то действовала так, чтобы раз'единить этих двух революционеров. Кропоткин сидел в тюрьме в то время, когда Сажин работал за границей, когда же Кропоткину удалось вырваться из тюрьмы и бежать за границу, Сажин уже находился в лапах царского правительства.

Со смертью Сажина мы потеряли чуть ли не единственного свидетеля и участника начала анархического движения. Нет больше того, кто мог бы рассказать о том, что было во дни Парижской Коммуны, на конгрессах 1-го Интернационала и т. д. Смерть, конечно, явление неизбежное. Все должно умереть. Но все же чувства как-то не мирятся с этим, — в особенности в тех случаях, когда смерть выхватывает редких экземпляров (если позволительно так выразиться). Хотелось бы, чтобы Сажин еще жил. Хотелось бы, чтобы он рассказывал нам о заре нашего движения. Ведь заря так завлекательна, особенно тогда, когда после зари небосклон начнет завлакиваться туманом. А сейчас мы как раз и переживаем такой

период. Тьма окутала землю. И в этой тьме один за другим гаснут маяки. Бакунина уже давно нет, умер Кропоткин, наконец, оставил нас и Сажин. Уходят наши учителя — как те, которые родились в России, так и те, которые родились в других странах. Все чаще и чаще приходится вешать на вербы арфы — ибо как петь, когда костявая смерть повадилась в наши ряды!

Утешением (если можно так выразиться) может служить только то, что Сажин на протяжении всей своей долголетней жизни остался верен идеям анархии. Какой разительный пример для наших малодверов! Человек дожил до 90 лет, был гоним, годы и годы провел в заточении — и тем не менее не разочаровался в правоте анархического учения. Мы же, про-

ведя одну темную ночь в ожидании, начинаем хныкать, ежиться и заявлять о своей усталости.

Пусть же образ Сажина несколько умерит нашу прыть к разочарованию. Всегда будем помнить, что Сажин прожил 89 лет на земле, много неудач испытал, но тем не менее не прикрыл того светильника, который называется анархизмом. Будем помнить это — и нам станет легче и теплее.

В заключение этих строк, хочется пожелать, чтобы редакция «Пробуждения» перепечатала некоторые главы из «Воспоминаний» Сажина. Там есть много интересного материала. К тому же личность друга и соратника Бакунина станет тогда перед нами во весь свой рост.

АВТОНОМОВ.

БАКУНИН — МИРОВОЕ СЕРДЦЕ.

Я твердо знаю: Бакунин не умер;
Он в сердце моем и в помыслах ваших.
Ведь еще не разбита в бессмертном штурме

Революций гигантская Чаша.
Ведь еще не испытана радость возстаний,
А свобода в кровавом бою не добыта.
На стальном пьедестале народных страданий

Бакунина тень — массив из гранита.
Его грозная слава веками хранима,
Ее не разрушат дни и годы.
Как солнце сияет светлое имя:
Михаил — Апостол Свободы.
Титан революций, отринувший Бога,

Бунтарь, низвергавший в бездны троны!
По твоим следам устремятся многие,
По твоим путям пройдут миллионы.
Для народа завет твой Евангелий лучше:
Мир от власти устал; власть источник
страдания.

Люди жаждут свободы; под гром революций
К нам в огне разрушенья грядет созидание.

Мне в грядущее счастье по-новому верится
Эта вера для душ возмущенных утешает...
Бакунин, вождь — Мировое Сердце,
Надежды людской святая лампада.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

ПРАВДА О СОВЕТСКОЙ РОССИИ. (по данным американских возвращенцев из СССР).

С признанием Соединенными Штатами большевистского правительства большевистские акции в Америке повысились (в глазах большевистствующих) и они опять с еще большей энергией начали спекулировать ими и хвастаться как «достижениями» советского правительства, так и новыми победами большевизма на «интернациональном фронте империалистов». Какие же это достижения и победы?

Во время революции, когда большевики чувствовали себя очень непрочно на троне Николая II, они обращались к «трудящимся всего мира через головы правительств пока этих самых трудящихся не прибрали хорошенько к рукам, а когда прибрали, то, облачившись во фрак, стали раз'езжать с визитами к империалистам. Литвинов, «победами» которого восхищаются местные большевики, всюду, где он бывал в своей последней поездке по Европе и Америке, возвещал политику «сотрудничества советов» с вчерашними «империалистами», их правительствами, финансистами и промышленниками. Это значит, что большевики вполне сталкивались с империалистами и сами стали таковыми.

Интересно отметить, чем собственно большевики восхищаются. Не уступая великосветским буржуазным органам печати в «тайной Европе и Америке», советские газеты тщательно выписывают состав участников банкета, устроенного в Нью-Йорке в честь Литвинова, с перечислением их титулов и орденов: «представители виднейших банковских и промышленных фирм» — Морган и Ко., Чейс Нейшонал Банк, Нейшонал Сити Банк, Дженерал Электрик, Дженерал Моторс, генерал Грейвс, командовавший американской экспедицией в Сибири и т. д. В фашистской Италии Литвинов испытал «удовлетворенность от углубленного разговора с Муссолини и констатировал много точек соприкосновения», но, главное, он убедился в том, что «кроме пользы для себя, обе страны из своего экономического и поли-

тического сотрудничества не извлекли». Это значит, что фашизм и большевизм одного поля ягоды и что разницы между ними — нет.

Большевики якобы являются врагами тайной дипломатии; они даже опубликовали в свое время тайные документы царской дипломатии, а вот своих большевистских тайных документов, заключенных с европейскими и американскими империалистами, опубликовать не спешат. Пожалуй, они никогда их не опубликуют. Из этого видно, что так называемая «диктатура пролетариата», вернее, диктатура над пролетариатом идет теми же проторенными путями, что и буржуазные политики, т. е. через военные союзы и тайную дипломатию сговора с одними империалистами за счет других.

Это и есть большевистская победа на интернациональном фронте империалистов, от которой русскому рабочему и крестьянину не поздоровится и от которой пахнет человеческой кровью. Стоит ли рабочему и крестьянину радоваться этой победе?

Но перейдем к большевистским «достижениям» и послушаем, что говорят возвращенцы из СССР — простые русские рабочие и американские спецы, побывавшие в советском раю. Мы приведем в кратком извлечении рассказ старого русского рабочего — коммуниста, активного члена компартии с 1919 г., организовавшего в Трентоне, Нью-Джерси, отдел «Ва-Друзей Советской России» и состоявшего видным членом в интернациональной Рабочей Защите, — Алексея Иосифовича Азаренка, старого активного революционера, часто подвергавшегося преследованиям царских властей и сидевшего в тюрьме вместе с нынешним «всероссийским старостой» Калининным и др. революционерами. Азаренок был в России два раза: один раз по убеждению, а другой раз с целью проверить свои первые впечатления; в течение 11 месяцев он был в СССР инструктором строительства и производителем ра-

бот, а благодаря усердной работе заслужил звание «дарника» и похвалу сопровительства за выполнение заданий *).

По возвращении в Америку А. И. Азаренок, подобно сотням других русских колонистов, побывавших в СССР, долго оставался молчаливым. Из молчаливости вывели его местные большевики, не имеющие ни малейшего понятия о «советском союзе» и пишущие в своих газетках заведомую ложь, глупость и вздорные слухи. Называя американских коммунистов попу-гаями и близорукими, с которыми нет никакого смысла вступать в полемику, Азаренок говорит:

«Говорить о советском союзе имеет право каждый гражданин России и в особенности здесь, в Америке, где существует свобода слова и печати. Здесь — не советский союз, где у каждого на губах висит замок и где допускается только петь незаслуженные хвалебные гимны тиранам.

«Мои впечатления о советском союзе все прошлые. Сегодня я его ненавижу с его сегодняшней политикой, под ножом которой непрестанно льется народная кровь. Сегодняшнее правительство России — тираническое и его достижения на 1-м году в смысле обнищания и пролития народной крови перещеголяли даже дом Романовых за 300 лет его существования.

«Описать все, что происходит в советском союзе, нет никакой возможности — не хватит ни бумаги, ни времени. Кто был знаком до 1917 года с Петроградом, Москвой и другими городами, тому есть чему удивляться: в исторических зданиях этих городов сразу бросается в глаза разгром, как после пожара: золото и драгоценности сняты и местами заменены фальшивыми. Все, что создавалось веками русским народом, разграблено хищниками, собирающимися «раскулачить» мир.

«Посмотрите в этих городах на жизнь рабочих: они питаются немного лучше, чем в деревне, обрабатываемой до чиста заготовщи-

ками — чекистами. Загляните в Тулу, Рязань, Ряжск, Козлов, Тамбов, Кирсанов, Орел, Коломну, Витебск, Оршу, Борисов, Лепель и другие, где я был лично. Все эти города потрясает своей нищетой. На почве недоедания смертность в этих городах велика. ГПУ с чекистами подтягиваются, потому что хорошо откармливаются за счет рабочего и крестьянина. Рабочий получает два фунта хлеба; мясо бывает гостем; рыба, несмотря на крики о больших уловах, проявляется редко, но и она — гнилая и ее способны есть только многострадальный русский рабочий и крестьянин, которому часто приходится подбирать собачину, кошачью и даже человечину, потому что голод — не тетка.

«Очереди около лавок обыкновенно начинаются с 4 часов утра, а лавки со съестными продуктами открываются в 6.30, а с мануфактурой в 9 ч. утра.

«Крестьян правительство обирает начисто и заставляет коллективизироваться. Вступая в коллектив, крестьянин совершенно охладевает ко всякой жизни и на лучшее будущее не имеет никакой надежды. Благодаря этому, хозяйство упало почти на 65%.

«Грабежи и преступления в России считаются теперь делом совершенно обыкновенным из-за нищенской жизни. Высылки в тюрьмы увеличились на 35%. Сажают в тюрьму и посылают в ссылки и те, кто осмелится сказать слово против неправильной политики правительства; нередко такие смельчаки расстреливаются ГПУ. Эти люди высылаются в архангельские и воляжские леса, на Урал, Соловки и другие места, где ставятся на подневольный труд.

«Очень часто за границей удивляются многочисленным советским демонстрациям, с участием войск, рабочих и крестьян, которые идут с красными флагами и плакатами мимо трибун, переполненных советскими бюрократами. Эти знаменитые демонстрации 1 мая и 7 ноября устраиваются — бутербродами: за полтора месяца до праздника ЦК рассылает декрет по всем заводам и фабрикам о подготовке всех ра-

*) «Н.Р.С.» от 23 июня 1933 г. и след. п-ра.

бочих к демонстрациям и маршровке перед палачами народа; обычно в эти дни готовятся специальные бутерброды, являющиеся главной приманкой для демонстрантов. Не принимающих участия в парадах без уважительных причин преследуют, как уклонистов и саботажников. И если-бы в этом отношении была народу предоставлена хоть какая-нибудь свобода, то в демонстрациях участвовали бы только армия и отряды ГПУ.

«ОГПУ и ГПУ — народные палачи, в состав которых входят люди, потерявшие всякий человеческий образ и способности убивать человека, как скотину. На этих людях и держится главным образом советская власть.

«Много писалось о детских приютах и яслях, которые, действительно, существуют, но из которых дети выходят слабыми и больными, так как не достаёт молока и других питательных продуктов.

«Подписки на советские займы производятся просто: с каждого рабочего, желает он этого или нет, высчитывается из жалованья заранее намеченная сумма, которая считается добровольным взносом.

«Какова цена рубля, можно видеть из следующего примера: торгсин за доллар выплачивает 1,60 р., правительство — 1,94 р., а у советских граждан можно получить за этот же доллар 60 рублей.

«О советском здравоохранении говорят много глупостей; на самом деле, там нет простых лекарств, аптеки пусты и нельзя получить подку или борной кислоты.

«Сколько в советском союзе бывает всевозможных стачек, вспышек, восстаний да крушений поездов — никто не знает, так как пресса обо всем этом упорно молчит. Русский народ не знал даже о войне на Кавказе в 1924 г., где были перебиты десятки тысяч вольного народа и красноармейцев. А сколько происходит таких случаев, о которых советская печать не говорит ни слова. Нет ни одного дня, чтобы ГПУ не отправляло на тот свет мирных тружеников. И сколько жертв возносится ежедневно из Лубянского ГПУ!

«В советской России нет правды. Ме-

ня звали туда, писали «мы растем вверх», расписывали самыми яркими красками советский рай. Я поехал туда, думая, что настало время принести русскому народу лепту своей работы и увидеть счастье моей родины. Но то, что я увидел там, вонзило мне нож в сердце... Сплошной обман. Сплошная ложь...

«Я посмотрел Россию не из окна вагона и не по улицам Москвы, а побывав во многих городах, разговаривав со многими людьми и видев много примеров из обыденной жизни, о которой мало кто знает за границей. В 1931 году я работал в Козловском комбинате, а в 1932 году был прорабом на Шуровском Алебастровом заводе и на Рыковских рудниках у станции Бобрики - Донской. Был ударником, получал по 450 р. в месяц и мне говорили, что если я пожелаю, то могу получить вдвое больше. Я имел возможность питаться при закрытом распределителе для иностранцев, куда не имеет доступа простой смертный. Но мне не надо было ни денег, ни привилегий.

«Первым делом я хотел встретиться со своими старыми товарищами по революционной работе и по эмигрантской жизни в Америке: М. И. Калинин, с которым еще при царском режиме сидел в одной тюремной камере в Петрограде, профессором Мартенсом, бывшим «послом» и высланным из Америки в 1921 году, инженером Севастьяновым и Зоринным. С Калининным мне встретиться не удалось; сейчас он высокий советский сановник и ему не до нас смертных. А с Мартенсом встретился в доме ЦК в Москве, говорил с ним довольно откровенно:

— «Что вы сделали с Россией? Зачем ввели эту коллективизацию? Нельзя коллективизировать народ насильно».

— «Мы должны проводить ее во что бы то ни стало», — ответил Мартенс.

— «Но что из этого выйдет? Ведь много народу погибнет».

— «Чорт с ним, с народом.. Погибнет еще несколько миллионов. Наплевать. Народу у нас хватит, но мы должны держаться за коллективизацию — единствен-

ный способ забрать в руки крестьянство».

«Виделся я и с «рабкором Иваном Егорчевым», пишущим похвалы советскому правительству в нью-йоркских большевистских листах. Он стал ЧЕКИСТОМ. Работает по электричеству на заводе АМО, получает 275 руб. в месяц, но живет значительно шире своего жалованья и питается при закрытом распределителе для иностранцев, в котором можно получить что угодно и в каком угодно количестве.

«Положение наших американских товарищей, организовавших коммуны и принявших советское гражданство, очень плохое. Я был в коммуне «Ири» (теперь Ленинская) в 18 км. от Кирсанова, Московской губ. До 1929 года в этой коммуне жилось прилично — было много скота и лошадей, но в 29 году коммуну начали «раскулачивать» и в результате там ничего не осталось — ни зерна, ни скота. Когда я был в коммуне, она была в страшном долгу. Жены коммунаров работают, как мулы, и ругаются, что уехали из Америки. Все коммунары, если бы была возможность, немедленно уехали бы обратно в Америку, но их не выпускают.

«Советские амуниционные, аэроплан-ные и другие военные заводы все время работают полным ходом, но они готовы средства для борьбы не против внешнего врага, а внутреннего, т. е. для подавления вспыхивающих в различных местах восстаний. Красная армия и отряды ГПУ всегда держатся наготове, но они никогда не знают, куда и зачем они идут.

«Красноармеец рассказывал, как их вызвали в 1931 году на Волынь, но они не знали, куда и зачем едут. Уже в поезде командир спросил их:

— «Товарищи, вы знаете куда мы едем?»
«Нет» — ответили красноармейцы.

— На Волыни у нас маленькие неприятности — восстание против существующего строя, но мы не будем стрелять в них, а попробуем другие меры». И когда прибыли в бунтующую деревню, командир собрал всех крестьян и начал говорить с ними:

— «В чем дело, товарищи? Почему вы бунтуете? — «Жить стало невозможно, — отвечают крестьяне, — нет хлеба, нет скота, нет зерна... А с нас требуют налоги, нас сажают в тюрьмы, нас ссылают, над нами издеваются.... Мы не можем жить так»...

— «Нужно потерпеть, товарищи, — говорит командир, — вот скоро пятилетка кончится и тогда все пойдет по новому». И долго он уговаривал крестьян, которые в конце концов разошлись. Но в большинстве случаев приходит отряд красной армии или ГПУ и начинает стрелять, арестовывать крестьян, избивать их и разрушает деревню. А другой красноармеец объяснил: «Мы еще недостаточно организованы и один не знает, что думает другой; нас хорошо подкармливают и этим думают держать в подчинении».

«Негласные забастовки на фабриках и заводах происходят все время, но о них почти никто ничего не знает. Обычно возмущенные рабочие плохим питанием, маленьким жалованьем, тяжелыми условиями труда и т. д. — просто не выходят на работу. Тогда их или уговаривают, или посылают агентов ГПУ, которые арестовывают «главарей заговора» и судят за «саботажи». Я сам был свидетелем такой забастовки на Вознесенском заводе, когда рабочие не вышли на работу, потому что «ослабели от недоедания». Это тоже было сочтено за саботаж и некоторые из них сильно пострадали.

Отвечая на нападки большевистских листов, яко бы его разоблачающих, Азаренок говорит следующее: «Удивляться этому нечего, ибо это обычный большевистский прием: ругать всех, кто говорит правду о советском союзе. Все это, конечно, делается под видом «разоблачения врагов рабочего класса».

«Сидя здесь, в Америке, и не умирая с голоду, русские колонисты по своей недальновидности и непониманию истинного положения в союзе все еще поют ему хвалебные песни. Они пишут, что в России «власть находится в руках рабочих и крестьян». Мне, рабочему и крестьяни-

пу, побывавшему в союзе, смешно и грустно слышать такие глупости. Забудьте, русские выходцы, думать об этом, ибо там вся власть принадлежит маленькой и бездарной кучке людей, высасывающих кровь русского народа. Там нет и признака того рая, о котором с таким торжественным и явно неискренним восторгом пишут большевистские листки. Сейчас нам втереть очки уже невозможно, ибо сотни и сотни из нас уже побывали в советском раю и своими собственными глазами увидели все пронесящее.

«Некоторые вернувшиеся оттуда не говорят ни слова о союзе, потому что у них остались там родственники, которым чисты будут мстить всякими способами. Когда я в 1931 г. вернулся из советского рая, то начал писать в большевистских листах хвалебные отзывы о союзе и тогда заправилы этих листков хвалялись за статьи жадными руками. Но в моих хвалебных песнях не было истины: некоторые старые большевики просили меня не освещать истинного положения и я писал неправду о союзе еще и потому, что надеялся на исправление большевиков, о чем думают и многие русские люди в союзе. Но большевики не только не образумились, но и потеряли последнее человеческое чувство. На словах они очень хорошие и идейные, а на деле — это просто грабители с большой дороги.

«По возвращении из России в Америку мне пришлось встретиться с Кириллом Михновцем, который в ответ на мои рассказы о жизни советском союзе говорил мне, что я рассказываю неправду и что там строится страна на благо рабочих и крестьян. Михновец не верил мне, что там люди умирают с голоду. Он уехал с Бруклинской тракторной школой в Россию. Что там случилось с ним и его группой, я не знаю, но теперь Михновец бомбардирует своих товарищей письмами, в которых умоляет спасти его от советского рая и прислать ему шифкарту для приезда в Америку. Михновец рекомендует американским крикунам поехать в союз, где им откроют глаза и про-

светят ум, после чего все они поймут, что такое советский коммунизм в России.

«Мною получены окольным путем письма из Москвы и Петрограда. В этих письмах люди пишут одно и то же — о невыносимой жизни, дороговизне продуктов и страшных мыслях о приближающемся 1934 г. «Мы написали вам несколько писем, но ответа не получили и думаем, что наши письма до вас не доходят. Наши правители боятся, чтобы их темные делашки не были раскрыты. У нас уже готовятся к годовщине Октябрьской революции и вожди наши решают, какую приманку выставить в день праздника. Калинин предложил отпустить по полфунта мяса для рабочих по дешевой цене, но Сталин отверг, заявив, что будет большой убыток. Каганович предложил выдать по дешевке папирос третьего сорта, что Сталин тоже отверг, ссылаясь на недостаток табаку. Молотов поддерживает прошлогоднюю выдачу бутербродов, чем они надеются вывести народную массу на улицу. С последним Сталин согласен.

«Наши лозунги «догнать и перегнать Америку» отмирают, но все таки во многом мы перегнали Америку, в особенности в смертности от голода. Летом, будучи в отпуску с женой и детьми, был на родине и видел там ужасные картины. Я думаю, что в мировую войну на поле брани было меньше трупов, чем у нас при существующем строе. Докуда так будет продолжаться?»...

В СССР Азаренку часто предлагали принять советское гражданство, но на эту удочку он не попался, заяв, что как только он примет советское гражданство, то наступит конец его свободе и он станет таким же бессловесным рабом, как и весь русский народ, а также и те, которые приехали из заграницы, соблазнившись большевистской ложью.

«СССР — социалистическое отечество трудящихся всего мира». Не потому ли, что именно трудящимися переполнены советские тюрьмы и концлагери?! А представители буржуазии при посещении СССР не только не задерживаются, но и встре-

чаются с необыкновенным почетом, с которыми встречали, например, афганского хана Аманулла, лэди Астор и Бернарда Шоу и других. Бедняки же или пролетарии едут в СССР потому, что там «нет кризиса» и можно работать, но они часто и очень жестоко расплачиваются за свое легковерные и обманчивые мечты. О том, что «СССР — социалистическое отечество трудящихся всего мира» по тюремному режиму, свидетельствует В. Чернавин, который в «Записках Вредителя» говорит следующее:

«За время моего пребывания в двух тюрьмах и Соловецком концлагере мне пришлось видеть среди заключенных — негра, японца, австрийца, нескольких монголов, много финнов, эстонцев, латышей, поляков, немцев, китайцев и огромное количество представителей всех союзных республик — украинцев, белоруссов, армян, грузин, осетин и др. кавказцев: татар, якутов, туркмен, карелов и проч.

Среди иностранных подданных в тюрьме преобладали коммунисты или весьма лево настроенные люди, которые, поверив в достижения пролетарской революции, искали в СССР защиты от того, что на родине казалось преследованием. мечтали увидеть осуществление своих демократических идеалов».

Теперь приведем выдержки из рассказа канадца — Адама Михайловича Лосинского, прибывшего из Петербурга в Канаду в 1908 году и работавшего до отъезда в СССР литейщиком — формовщиком; раньше Лосинский был просто социалистом, а последние 4 года — стопроцентным большевиком и агитатором. Как большевику, Лосинскому дали в СССР ответственную работу — заведующего литейным цехом на Аллюминевом комбинате при Волховстрое, в 120 км. на север от Петрограда. *)

«На Аллюминевом комбинате около 8,000 рабочих. Этот город составлен из 12 апартментов, в которых живут инженеры, техники, иностранные спецы, на-

чальство и чека. Построено также 6 домов для коммунаров по 104 комнаты в каждом. Рабочие живут очень тесно в казенных квартирах. Вблизи построено еще 68 барачков. Эти бараки и есть настоящий город. Для каждого труженика устроена отдельная кровать, сбитая из двух досок, без матрацов и даже без мешка соломы, на которых и отдыхают наши собратия пролетарии после тяжелого труда. В этих бараках, годных лишь для скота, и думаются рабочие. Грязь, нечистоплотность, вшивость...

«При Аллюминькомбинате имеются столовые, в которых кушают по 60 человек сразу, но на 60 человек имеется лишь 16 ложек. Рабочим приходится стоять в очереди за ложкой. Каждому дается по полтарелки жиденького супа без мяса. Не успеешь проглотить этот суп, как другой рабочий хватает ложку и бежит за супом, который стоит 35 коп. Кроме супа, можно достать на второе «битки» из пшена. Порция размером с куриное яйцо стоит 35 коп. В очень редких случаях бывает гуляш с конины и порция размеров в две столовых ложки стоит 75 коп. Утром чай без сахару стоит 10 коп. Хлеба на весь день — полфунта.

«В инженерной столовой три раза в неделю бывает мясной обед, на 10% лучше ударнического. Суп, щи или бульон стоят 50 коп. Битки из конины и немного вартошки или макарон. Бутерброд с колбасой размером в 4 кв. дюйма и толщиной в $\frac{3}{4}$ дюйма стоит 75 коп. При этой столовой имеется буфет и к обеду можно иметь пиво или молоко по 40 коп. за стакан. А в столовой для иностранцев и начальства имеется свой буфет: тут уже к обеду можешь иметь что хочешь: голку, пиво, жареных гусей, куриц. Хотя спецы и большевицкое начальство должны платить дорого за напитки и вкусные обеды, но зато их заработная плата составляет от 500 до 1,500 и больше в месяц. Каждая столовая принадлежит цеху и из другого цеха рабочих в нее ни за что не пустят. В общей столовой ни пиво, ни молоко не по карману для проле-

*) См. «Рассвет» от 20 июня 1933 г.

тария: его еда — хлеб да вода.

«Первый разряд чернорабочих получает по 43 коп. в час при 8-часовом рабочем дне; второй разряд — по 39 коп. Ученики от 15 до 18 лет получают от 36 до 40 рублей в месяц. Сравните эту заработную плату с платой слесей и начальствующих и с дороговизной жизни и вы увидите, что пролетарий буквально голодает.

«От голодухи у рабочих не хватает сил и они часто портят работу, или устраивают «козлы», т. е. вместо того, чтобы дать сильный огонь, рабочие «прозевают» и чугун застывает в течение 3 дней. Все это время другие рабочие ходят без дела. В литейном цехе некоторые формовщики работают совсем босые и надевают дырявые ботинки только во время отливки.

«Если рабочий опаздывает на работу на 10 минут, то его в тот день совсем не пускают на работу; если же рабочий не явится на работу без особого на то разрешения хоть один день, то его увольняют с работы и отнимают карточку на хлеб.

«В одном цехе на 65 человек следующий штат начальства: заведующий, мастер, нормировщик или расценщик, конторщик, табельщик и кладовщик, исключая шишонов.

«На фабриках работают от 7 до 10 и больше часов в день. Сверхурочные часы должны оплачиваться: первый час в полтора раза, а остальные в двойном размере, но рабочему очень трудно получить свой заработок за сверхурочные часы, так как почти все работают сдельно. Кроме того, задержка зарплат затягивается до трех месяцев и рабочим приходится голодать.

«На станции Волховстрой большевик Мельницкий распоряжается работами. Одной молодой девушке, 15 лет, он дал самую лучшую работу: приходит на работу позже всех, уходит — раньше всех и зарабатывает больше всех. Все это за свою красоту и сожительство с начальством. Провожали младшие коммунары и довели в ОГПУ. Его арестовали, продер-

жали 8 дней в чека и освободили на полных правах. Мельницкий оказался дороже для чека, чем целая группа верных, преданных большевизму молодых коммунаров.

«По закону советскими курортами должны пользоваться все рабочие. Но беспартийному рабочему очень трудно попасть в дом отдыха бесплатно, а с платой — сколько угодно, по 5. р. в день; ж. д. билет также должен быть оплачен самим рабочим. Рядовым коммунистам курорты более доступны, но во многих случаях даже и им отказывают. На курорты рабочему разрешается ехать только во время отпуска в 14 или 30 дней во вредном для здоровья цехе. Отпуском пользуется каждый рабочий ежегодно, но чтобы попасть на курорт, нужно перейти через врачей и быть ударником.

«На съезды рабочих не выбирают на общем собрании. На съезд никогда не может попасть беспартийный, а партийного назначает компартия. Никогда не голосуется «кто за», а всегда — «кто против». Конечно, никто против не голосует, ибо знает, что таких смельчаков ожидает. Каждый рабочий должен принадлежать к профсоюзу, но профсоюзы не имеют никакой силы и не дают никакой пользы рабочим, ибо они бесправны, приравнены каблуком Сталина».

Приведем еще несколько выдержек из рассказов Федора Андреевича Линюка из Волини. До поездки в советскую Россию он читал только большевистские газеты и только им верил. С группой в 48 человек туристы отправились Линюк в СССР красным - раскрасным. Все пели «интернационал» и радовались, что скоро увидят советский рай. Однако разочарование началось у самой границы: их крайне удивил оборванный вид советских граждан, вид крестьянина с рваным сапогом на одной ноге и лантем — на другой. Удивило и неравное отношение пограничной стражи *).

— «Я думал, — говорит Линюк, — что

*) «Н.Р.С.» от 2 сентября 1933 г.

в рабоче - крестьянской стране все должны быть равны перед законом, а вот еще на границе оказалось, что оно не так. У одних туристов вещи совсем не осматривались, у других осматривали только для вида, а у третьих перерыли весь багаж и потом сбросили все обратно в кучу. У меня некоторые вещи отобрали. Я вез подарки. В Америке я заплатил за них 19 долларов, а на границе с меня потребовали 100 долларов пошлины».

Говоря о детских яслях, Линюк заключает: «Я не хотел бы, чтобы мой ребенок находился в таких яслях: кормят детей одной кашей без молока и уход за ними отвратительный».

«Я видел много голодающих, видел трупы умерших и слышал много рассказов о людоедстве. В Саратове пошел я в торгсин за хлебом. В Москве вы идете прямо в торгсин и на американские деньги покупаете все, что вам нужно, а в провинции надо обойти несколько учреждений, чтобы получить пропуск в торгсин. Я потерял 5,5 часов времени, чтобы достать хлеб и полфунта масла, которое я понюхав сейчас же отдал. Вышел из торгсина, а тут голодный старик просит кусок хлеба. Я отрезал полхлеба и отдал ему. Мигом обступила меня толпа и просит хлеба. Я нарезал по ломтику и раздал детям. Одна женщина бросилась с плачем и сказала, что «мы первый раз видим, чтобы человек хлеб отдавал. Старик, которому я дал хлеб, пошел со мной и, оглядываясь по сторонам, полупропотом рассказал мне, как в Саратове недавно судили женщину за то, что она зарезала и съела своих детей. Когда ее спросили, как она могла сделать это, то она ответила: «Я их выкормила, я их и порезала».

Линюку пришлось сидеть целый день на станции Лихая в ожидании поезда на Харьков. Он пошел на село. Третью населения Лихой умерло с голоду. В колхозе 13 худых лошадей. В селе нет ни коров, ни собак, ни кошек — все съедено. В Киеве народ оборванный, измож-

денный, что и смотреть больно.

В м. Ильяслав Линюк приехал после того, как там был пойман и убит один людоед. Сперва он зарезал свою жену и заставил своего сынишку есть ее мясо. Когда мальчик отказался «кушать маму», то отец пригрозил убить его самого. Потом отец его стал пускать к себе людей с вокзала на почлег. Ночью он убивал их. Мясо он продавал на базаре, а остатки сбрасывал в погреб. Оттуда скоро пошла такая вонь, что соседи пожаловались милиционеру. Тот и обнаружил страшную находку. Преступника арестовали, но он упорно отрицал свою вину. Во время допроса один из чекистов так сильно ударил его револьвером, что убил его. Правду узнали от сына убитого людоеда. Считают, что он убил человек 27—28. Один из чекистов так пошутил над Линюком: «Ваше счастье, что вы не раньше приехали, а то, вероятно, тоже попали бы на котлеты».

Таких рассказов об ужасах и кошмарной, невыносимой жизни в СССР можно было бы привести сотни. Возвращенцы и туристы твердят одно и то же: о тяжести жизни, лишениях, беззаконии, угнетении, издевательствах, безобразиях и тирании деспотов. Где же революционность и справедливость, о которой большевики прокричали все уши? — Ее нет, она служит у большевиков только вывеской.

Из рассказов туристов и возвращенцев видно, что в СССР нет добра, нет правды, нет справедливости, но зато есть голод, нищета и неимоверная эксплуатация с невиданным угнетением, которые называются «диктатурой пролетариата».

Рассказы иностранных спецов, прожженных в СССР на производстве от года до 3 лет подтверждают заявления русских возвращенцев и туристов. Так, например, американский инженер Дж. Джермен, бывший проф. Мичиганской горной школы, говоря о безхозяйственности большевиков, тяжелом положении рабочих, обилии несчастных случаев и порче импортируемых в СССР дорогих заграничных машин, ут-

верждает, что большевики не умеют экономно эксплуатировать шахт: добыча одной тонны меди обходится в 1,800 р., а добыча унции золота обходится от 60 до 80 долларов. Если прибавить к этому 1,500 000 долларов, затрачиваемых ежегодно на американских специалистов, то получается большая диспропорция между издержками производства и стоимостью продукции. За границей за эти деньги можно было бы купить гораздо больше золота.

Ввиду недостатка продовольствия многие шахты закрываются и рабочие предоставляются или выбрасываются на произвол судьбы.

Вернувшийся после трехлетнего пребывания в СССР молодой канадский архитектор Джан Виллис рассказывает следующее о положении дел в СССР:

«Если вы желаете кушать в советской России, то вы непременно должны оставаться лояльным большевизму. Существует недостаток продовольственных продуктов и сокращение работ. Но большевики едят первыми и всегда, а комиссары и их подручные кушают самое лучшее. Большевики — привилегированный класс в бесклассовой стране, которой они управляют посредством вооруженной силы.

«Безработица увеличивается теперь в России, главным образом благодаря неспособности большевиков. В начале пятилетки был большой спрос на рабочие руки, но с ее окончанием и провалом наблюдается повсеместное возростание безработицы. В России — десятки тысяч безработных, умирающих от хронического недоедания. Тысячи советских рабочих, имеющих работу, живут впроголодь. Когда рабочий теряет работу, он лишается продовольственной карточки, а это означает — голодание и смерть.

«Большевики, конечно, не признают свободы слова. Держи язык за зубами, если не хочешь отправиться к праотцам. По малейшему подозрению любого человека могут арестовать и без всякого суда разстрелять или отправить в ссылку.

«Россия в настоящее время — воору-

женный лагерь. Города наводнены пешими и конными солдатами. Большевицкая партия с 2 миллионами членов нуждается в большой военной силе для того, чтобы насильственно удерживать в повиновении себе огромную страну. Восстания подавляются беспощадно. На северном Кавказе в 1932 году были уничтожены целые районы, которые заселены теперь новыми поселенцами.

«Красноармейцев хорошо питают в то время, как рабочие получают установленные пайки, а в некоторых случаях ударникам выдаются штаны или сапоги.

«Москва — парадный город, куда приезжают иностранные туристы и по ней они судят о большевизме. Им не приходилось видеть валяющихся на улицах мертвых людей, умерших от голода, как это видел я на Украине» *).

Рассказы эти можно было бы пополнить еще массой данных иностранных корреспондентов европейских и американских газет, сообщающих сведения об СССР, проходящие даже через большевицкую цензуру и считающиеся официальными. Но это отняло бы у нас слишком много времени и места, поэтому ограничимся лишь кратчайшими выдержками из последних корреспонденций в «Чикаго Дэйли Ньюс» от собственного корреспондента, делающего тур по Сибири. Вот что он говорит о жизни рабочих в Кузнецке:

«Четверть миллиона рабочих и работниц, занятых на стройке в Кузнецке, живут в условиях, напоминающих жизнь зоотоискателей. Достаточно одного взгляда на хижины, в которых большинство рабочих ютится, или взглянуть на пронизываемых сибирским ветром полузамерзших людей, чтобы появился вопрос о том: как и почему эти люди все это переносят? Почему здесь люди работают на морозе при температуре в 60 градусов ниже нуля и не убегают отсюда? — Не удирают они отсюда потому, что им не позволяют этого делать.

*) «Рассвет» 19 января 1934 г.

«Свою стройку в Сибири большевики начали беспорядочно, не подготовив надлежащих квартир для рабочих. Свободного человека при таких условиях не удержишь. Приходится поэтому пользоваться в большинстве случаев подневольным трудом. Не только чернорабочих, но и спецов «нанимают» сюда по контракту на годичный или полугодовой срок. За нарушение контракта — тюрьма.

«Особенно тяжелы условия жизни для строительных рабочих. Этого рода рабочие разделены на четыре разряда: крестьян, вербуемых в колхозах на шестимесячный срок; они получают зарплату и не находятся под стражей; на Кузнецкстрое колхозники составляют 40% рабочей силы. Ко второму разряду, обреченному на принудительный труд, принадлежат сыновья кулаков, торговцев и других антисоциальных элементов; они сгруппированы в рабочие батальоны и отбывают трудовую повинность вместо службы в красной армии. К третьей и самой большой группе принадлежат «раскулаченные кулаки» и ссыльные крестьяне, воспротивившиеся коллективизации. К четвертой группе принадлежат всевозможные советские преступники, приговоренные к тюремному заключению на разные сроки по уголовным де-

лам.

«В Прокопьевске ссыльные и арестанты составляют 35% общего числа занятых здесь 17,000 рабочих. В шахте № 25 пользуются исключительно арестантским трудом. В Кузнецке на работе занято до 20,000 ссыльных, в Магнитогорске — 18,000 и т. д. Для ссыльных не существует праздничных дней и они утром и вечером должны являться в полицию» **).

Большевики кричат везде и всюду, что они уничтожают в СССР классы, но умалчивают о том, что вместо уничтоженных преусердно насаждают новые классы. Большевики будто бы стремятся уничтожить государство, а на самом деле только усиливают его. Как, в самом деле, могут быть уничтожены классы укреплением классовых различий и государство усилением государственной машины?!

Господа большевики везде и всюду просто лгут, обманывают и дурачат простаков. Они настолько идейно обанкротились, что превратились в подлинные папачей русского народа.

МАРК СТЕПНОЙ.

**) Там же 24 января 1934 г.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Политико - парламентский социализм и капитализм идут рука об руку, так как они — как тот, так и другой, хотя и под различными названиями — суть результат экономической прибыли. Их взлет — одинаков: их появление в мире — один процесс, вызванный тождественными причинами. И нет ничего удивительного, что они разрушаются одновременно.

Кризис капитализма и парламентарного социализма — явления не только параллельные, но и смешанные.

И крах парламентарного социализма во Франции, который повлек разрыв S.F.T.O. (Французская Секция Рабочего Интернационала) на четыре совершенно различные части, также показал, и, мы надеемся, окончательно, бесплодность того мифа, которым пролетариат так долго позволял себя дурачить: мифа — рабочего единства.

Этого рабочего единства никогда не было и не может быть, по крайней мере, в том виде, как его понимают политики.

Конечно, нельзя отрицать естественного единства класса индустриального пролетариата, отличающегося, в экономической области от капиталиста — работодателя, а в области социальной, от других категорий, как — среднего класса или крестьянина собственника. И что спавает это единство, так это общие, совместные интересы, их взаимные требования, как рабочих. Но невозможно узаконить политическое единство рабочего класса, если мы будем рассматривать это единство, как доктринальное, органическое и техническое. Какие точки соприкосновения, какие центры соединения можно найти в действительности между теми, которые еще продолжают проповедывать, несмотря на очевидный крах демократии, возврат к традиционным парламентарским методам, и теми, которые претендуют сократить всю его экспериментальную ценность за прямым действием (*l'action direct*).

Проблема рабочего единства в виде партии или другой политической органи-

зации — не нова. Еще до войны она являлась главной заботой многочисленных социалистических групп и фракций. И все они, в интересах пропаганды, питая сумасшедшую надежду, что это единство будет реализовано в один прекрасный день в исключительную пользу наиболее ретивой или наиболее способной соблазнить массы фракции, отказывались брать в расчет уроки пролетарского опыта еще совсем недавнего прошлого.

На страницах настоящего «журнала», оказавшего нам свое доверие, мы постараемся связать имеющиеся теперь достижения рабочего движения с традицией и уяснить действительность в свете явлений отдаленного прошлого. И пусть не удивляются товарищи, если мы скажем, что, чтобы предохранить себя от ошибочных заключений в вопросе о политическом рабочем единстве, нужно посмотреть на те же споры и решения, на которых участвовали наши предшественники на Международном Конгрессе в Генте в 1877 году. Все аргументы за и против единства очень горячо и, часто, талантливо там были представлены. И с тех пор, в продолжение всей этой политики на эту тему, парламентарские социалисты и анархосиндикалисты ограничивались только тем, что повторяли и вульгаризировали их.

На интернациональном, анти - авторитарном конгрессе в Берне, в 1876 г., было постановлено, по предложению бельгийской областной федерации, представленному Де-Папом, созвать в Бельгии социалистический конгресс, который должен был иметь место в 1877 году и на который должны быть допущены делегаты различных социалистических организаций: марксисты, анархисты, коллективисты и т. д.

Этот конгресс должен был поставить себе целью объединить наиболее тесным образом все федерации, оставшиеся до сих пор враждебными, и положить конец доктринальным и личным раздорам между активными работниками и установить про-

грамму — минимум, определяющую позицию социалистов по отношению к синдикатам, различные пункты политической части и некоторые взгляды на капиталистическую экономику.

Впрочем, бельгийцы от своего имени представили только то, что было выражением пожелания германской, итальянской, французской, швейцарской и русской фракций социалистического движения в вестер кончины Бакунина в Берне в 1876 г. Это пожелание было следующее:

«Принимая во внимание, что наши общие враги преследуют нас с одинаковой ненавистью, с одинаковой жадной истребления: что наличность раздробленности в рядах борцов за освобождение рабочих есть доказательство слабости, мешающей осуществлению этого освобождения, — рабочие, собравшиеся в Берне по случаю смерти Михаила Бакунина и принадлежащие к пяти различным нациям, одни — сторонники рабочего государства, другие — сторонники свободной федерации групп производителей, полагают, что примирение было бы не только очень полезно, очень желательно, но и легко достижимо на основе принципов Интернационала так, как они сформированы в пункте 3-ем основных статутах, пересмотренных Женевским Конгрессом 1873 года».

Бельгийцы рассчитывали, что этим международным конгрессом можно будет положить начало новому Интернационалу, во круг которого одновременно группируются и марксисты и представители анти-авторитарного направления, как это было в Первом Интернационале; в худшем случае, рассчитывали они, собою Интернационала представителей анти-авторитарного направления, объединяющего по преимуществу синдикалистов латинских стран, социалисты германских наций организуют Северный Интернационал, который выступит с другими политическими принципами и собственной своей тактикой, но оба эти Интернационала будут объединены общей целью.

Этот конгресс, «Всеобщий Междуна-

родный Социалистический Конгресс». (le Congres general et universel des socialistes), который был первым и последним конгрессом единства, открылся в Геневе, в воскресенье 9-го сентября. Делегаты анти-авторитарного Интернационала, которые должны были встретиться в Берне, явились туда и нашли там представителей социал-демократических партий Германии, Фландрии, Дании, немецкой Швейцарии и Венгрии.

Во всех вопросах марксисты и анархо-синдикалисты расходились. От имени социал-демократов, Гренлих (Grenlich), делегат швейцарского «Рабочего Союза» (Arbeiterbund) старался подчеркнуть, что ничто не объединит рабочих вне их социальной установки, которая называется государственным социализмом, в отличие от социалистов синдикалистов, сторонников автономии рабочего класса и видящих без пользы всего государственного аппарата.

Он утверждал, в частности, что капитал должен принадлежать государству, так как это есть единственное средство уничтожения наемного труда и регулирования нормальным образом производства. Если орудия производства будут принадлежать отдельным группам производителей, а не всему обществу, то это будет монополия в пользу этих групп; таким образом, мы бы возстановили нечто подобное старым корпорациями в ущерб потребителям. Необходимо, чтобы существовал, над интересами отдельных лиц и групп, представитель общего интереса. Этот представитель — государство, которое, чтобы иметь возможность разрешать возникающие конфликты между различными интересами, должно быть снабжено теми же принудительными средствами, какие оно имеет в настоящий момент. Без этого и при наличии автономии групп, мы возстановим только такое общество, где, как и в настоящий момент, каждый будет защищать свой собственный интерес и никакой солидарности существовать, следовательно, не будет. Одна группа сказала бы другой: «Вы хо-

тите установить общую статистику для регулирования производства? Но плевали мы на вашу статистику; она нам не нужна». Что можно сделать в данном случае? Не нужно ли, чтоб здесь народная воля, выраженная путем всеобщего голосования, вынесла бы свое решение по вопросу данного конфликта и правительство имело бы право принудить подчиниться этому решению противящихся?».

Как странно звучит в наших ушах эта аргументация Глейха. Не то ли же самое восстанавливали на другой день после войны социалистические лидеры, где они получали власть в свои руки? Не вдохновлялась ли теми же примерами Глейха социал - демократия в Германии, ставшая самым ретивым служащим Великого Капитала и «взявшая на себя обязательство предписывать народную волю» путем расстрелов, избиваний, тюремных заключений «противящихся», какими были в 1919 году спартаковцы и анархо - синдикалисты, потом забастовщики Рура и, в 1923 году коммунисты Саксонии и Турингии? Не было ли принятием положений марксистов конгресса в Генге, когда в Венгрии, в Италии, в Центральной Европе — социалисты, жертвуя интересами пролетариата в пользу общего интереса, усиливая сознательно атактизм (государство), стали предтечами фашизма и ужасной реакции?

После этого становится понятной та энергия анархо - синдикалистских делегатов, представителей анти - авторитарного Интернационала на конгрессе в Генге, ополчившихся против мнений, защищавшихся Глейхом. Они уполномочили двух из своей среды (Брусса — французской федерации и Джемса Гильома — швейцарской федерации - юрской) опровергнуть аргументы социал - демократов и изложить их собственные мнения.

Гильом и Брусс начали с указания, что марксисты забыли в системе своего коммунистического общества существующий элемент — свободу. Если собственность просто только перейдет из рук капиталистов в руки государства, наемный

труд будет только преобразован, но не уничтожен: рабочие станут наемниками государства и не будут свободнее того, какими они были на капиталистических фабриках. Страх же перед группами, которые возьмут в свои руки инструменты производства и создадут, таким образом, монополию — пустое воображение, так как, если, с одной стороны, переход владения капиталом организованными группами явится необходимым революционным актом и отправным пунктом новой социальной организации, то не нужно упускать из виду, что немедленно же эти группы вынуждены будут объединиться между собой, чтобы взаимно обеспечить это владение, сговориться между собой, сделать друг другу уступки, создать, одним словом, базу для контракта, регулирующего условия производства и обмена; этот контракт поставит группы во взаимозависимость по отношению друг к другу и возможность возникновения монополии в пользу одной группы станет, таким образом, вещью совершенно невозможной. Что же касается предположения такой группы, которая захотела бы изолировать себя от общества, составить отдельную группу и заявить всем остальным группам: «Плевала я на вашу статистику», то это совершенно абсурдное предположение; и если некоторые бы безумцы и сделали бы подобную попытку, то силою вещей они образумились бы в течение нескольких дней».

Эти замечания Брусса и Гильома не потеряли ценности еще и сегодня. Особенно их можно было бы приложить к правительственным опытам различных фракций марксизма и, в частности, к большевизму.

Мы не отрицаем экономического прогресса, который реализовали в СССР, хотя это можно было бы получить и дешевле. Мы не отрицаем несколько индустриализацию, развитие железных дорог, ни колонизацию незаселенных земель, ни Днепрострой, ни Туркесба, ни Birobodian (Биробидно). Но мы отказываемся считать экономический прогресс с прогрессом социальным, называть эмансипацией ра-

бочих их передачу в попечительство фарасновскому государству, видеть исчезновение наемного труда в переводе всех рабочих от зависимости частного капитала в зависимость государства.

Рабочие, при капиталистическом режиме, связаны в одну цепь. Будучи жертвами одной системы, они имеют общий интерес в ее разрушении. Единство реализуется неизбежно в классовом плане. Но как только дело дойдет до определения необходимых методов для их освобождения, до указания, на какой базе осуществится здание социалистического общества, то сейчас же явится политический момент и разногласия сейчас же выявятся.

Что было верно вчера, сегодня остается тем же. Между социал - предателями 2-го Интернационала, независимыми социалистами, большевиками и анархо-синдикалистами теперь, как в 1877 году между социал - демократами, марксистами и анти - авторитарными бакунистами, — никакое политическое единство не осуществимо. И, возстанавливая заключительное предложение, принятое большинством Конгресса в Генте, каждый должен признать, что никакой солидарности, которая влечет непременно тождественность в основных принципах и выборе средств, не может быть заключено между течениями, имеющими различные принципы и средства.

ГАНИВЕ.

P.S. Предлагая настоящую статью тов. Ганиве читателям «Пробуждения», мы хотим сделать, однако, несколько замечаний. Тов. Ганиве, любезно предложивший ее для настоящего журнала, является активным, интеллигентным участником анархо - синдикалистского французского движения и в данной статье он специально занимается вопросами французского синдикалистского движения в аспекте текущего момента; в этом ее особенность. Но мы не думаем, что вне французской действительности она лишена интереса, по меньшей мере для русского читателя. Французское рабочее движение не есть только чисто национальное рабочее движение, но и

родина вообще рабочего и революционного движения. Здесь не только зарождаются первые революционные идеи, но вырабатываются и методы борьбы, которые потом разносятся по всему миру. И рабочее, революционное движение не должно этого игнорировать. Французский синдикализм уже имеет свою историю, которой не существует у русского рабочего движения; для русского рабочего движения это должно быть той задачей, которую ему нужно осуществить, и в этом уже одном заключается важность изучения синдикального движения тех стран, где оно получило наибольшее развитие.

Но русское рабочее движение имеет еще и другие особенности, которые должны заставить его глубже изучить революционное движение таких стран, как Франция. Если русское рабочее движение не имеет такого исторического прошлого, то его роль в истории освободительного движения гораздо более могущественная. Русская революция первая дала сигнал международному рабочему движению, в ее движении не только было уничтожено старое общество, но и решительнее чем где бы то ни было, прозвучали истинные требования и желания угнетенного народа. И то, что вырабатывалось на Западе в продолжение десятилетий в недрах рабочего движения и было его идеалом, было выражено в Русской Революции.

Маркс или Бакунин — не только историческое прошлое, но и проблема, изучая проблема настоящего момента. Русская Революция — не только коммунистическое движение, но и творческая стихийность угнетенных масс, которая решительно провозгласила, мы это утверждаем, не марксистское, метафизическое господство пролетариата, а бакунинский принцип уничтожения права эксплуатации человека человеком, и не централистическую диктатуру, а децентралистический федерализм. И этот факт лишний раз показывает нам, что освободительное движение есть один процесс: спор Бакунина с Марксом в русском революционном движении был спором массового рабоче-

крестьянского движения с диктатурой коммунистической партии. Теперь нам не трудно заметить, что победа коммунизма над трудящимися явилась и победой реакции над революцией. Диктатура партии легла в основу фашизма и гитлеризма, а теперь и вообще всей мировой реакции. Масса перестала существовать, бунтарский дух заменен доктриной.

Задумано массовое движение во имя диктатуры пролетариата; диктатура пролетариата существует, но ценой всей современной реакции и кризиса революционного движения. Марксистский источник движения здесь перед нашим взором как отрицательный фактор, как реакционный и, что особенно важно, не в процессе теоретических споров, а в реальной действительности.

Русское анархическое движение, и мы бы сказали — вообще анархическое движение — выдвинуло задачу выработки программы и пересмотра наших идей. Мы не будем возражать, в принципе, против этой постановки и вполне признаем важность ее, но мы глубоко протестуем против той формулировки, в которой он до сих пор ставился. Мы не только не протестуем против постановки, повторяю, но и считаем, что эта постановка выдвинута была самой жизнью, ходом событий и она,

мы думаем, будет общим кличем в анархическом движении. И это мы видим как результат одного процесса.

Вот почему постановка вопроса о программе и проверка наших мировоззрений должна рассматриваться и во времени и в пространстве. Мы должны установить те принципиальные положения, которые были выдвинуты в процессе революционного движения. Их мы видим еще на заре его, в Первом Интернационале. В пространстве — мы имеем в виду изучение движения тех стран, которые вошли как фактор в социальное движение.

Тов. Ганин ставит в настоящей статье очень важный вопрос, вопрос политического единства и пытается его разрешить именно в свете исторического процесса. В этом интерес его статьи не только чисто французского движения, но и вообще рабочего движения.

Чувствуя необходимость именно такой исторической постановки вопроса, изучения рабочего и анархического мировоззрения, мы попытаемся дать тот необходимый материал, который, к сожалению, остается еще недоступным русскому читателю. В ближайшее время мы приготвим переводы произведений Гильома и материалы, относящиеся к эпохе Первого Интернационала.

- МУРОМЕЦ.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

МАЙ — МЕСЯЦ АНАРХИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ.

Дорогие товарищи!

Мы, анархисты, переживаем такое время, когда большевики в России, социаллисты в Испании, фашисты в Италии, Германии, Австрии и Польше и монархисты в Японии и других странах разгромили наше анархическое движение, задушили наше анархическое печатное дело самым беспощадным образом, заточили в тюрьмы, сослали в ссылку самых лучших передовых наших товарищей. Теперь, из всех стран до нас доходят просьбы и требования от наших же товарищей, чтобы мы повели более интенсивную и более энергичную работу пропаганды анархических идей. Мы также слышим крики, вопли и стоны из тюрем и ссылок о помощи. Для того, чтобы федеративный орган «Пробуждение» выходил регулярно, углубляя и расширяя анархический идеал, для того, чтобы помочь товарищам, которые томятся в тюрьмах и ссылках, необходима всеобщая помощь. Поэтому, мы апеллируем ко всем анархистам и симпатизирующим, чтобы май месяц был месяцем анархической печати и помощи политическим заключенным, а именно, чтобы каждый анархист и симпатизирующий внес для этой цели свой ежедневный заработок, что окажется, хотя отчасти, помощью журналу и политическим заключенным.

Мы надеемся, что наш призыв не останется гласом, вопиющим в пустыне, и то варищи откликнутся на него.

С товарищеским приветом

Федерация Рабочих Союзов

Безвластников.

Торговля и промышленность, общение через письма и книги, общность всей высшей культуры, быстрая перемена дома и местности, теперешняя кочевая жизнь всех не-землевладельцев — все эти условия неизбежно ведут за собой ослабление

и под конец уничтожение наций, по крайней мере, европейских; так что из всех них, в результате непрерывных скрещиваний, должна возникнуть смешанная раса — раса европейского человека. Этой цели сознательно или бессознательно противодействует теперь обособление наций через возбуждение национальной вражды, но все же это смещение медленно подвигается вперед, несмотря на временные обратные течения; этот искусственный национализм, впрочем, столь же опасен, как был опасен искусственный католицизм, ибо он по существу есть насильственное учреждение и осадное положение, которое немногие устанавливают над многими, и нуждается в хитрости, лжи и насилии, чтобы сохранить свою репутацию.

Не интерес многих (народов), как обыкновенно говорится, а прежде всего, интерес правящих династий, далее — определенных классов общества влечет к этому национализму; кто раз постиг это, тот должен безбоязненно выдавать себя за доброго европейца и активно содействовать слиянию наций.

Ницше.

К ОРГАНИЗАЦИЯМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ.

Несколько лет тому назад, при Проф-Союзе гор. Детройта существовал комитет по оказанию помощи ссыльным и заключенным анархистам в России. К сожалению, по независимым от Комитета причинам, он давно уже прекратил свою деятельность. Со времени ареста товарищей из Черного Креста в Москве, связь совершенно была прервана и все наши корреспонденции не доходили по назначению. И вполне понятно, политические заключенные в России оказались нами забытыми.

Детройтскому Комитету до сих пор не было известно о том, что все анархисты из Черного Креста очутились в подвале Чека. Союзом получено от старого работника в движении письмо из России, в котором он описывает кошмарное положение

ние ссыльных и заключенных, гибнущих там от голода, холода, разных болезней и непосильных каторжных работ.

Видя такое страдание заключенных, по истине трагическое страдание, Коми-тет считает своей священной обязанностью довести до сведения организаций и отдельных товарищей, что таковой не ликвидирован, а решил опять повести самую широкую кампанию по сбору средств заключенным в России. Как нам уже известно, над анархической дружной семьей пронеслась страшная административная гроза, от которой серьезно пострадали многие товарищи, остальные же пока уцелели. Ведь будущее скрыто от них за красной завесой и никто из них не знает, что день грядущий им готовит.

Дело помощи ссыльным и заключенным анархистам, — дело общее всех анархистов, наши идейно - фракционные расхождения не должны тормозить этого дела. Наши личные счеты не должны иметь здесь места. К сожалению, товарищи часто забывали и забывают эту главную свою обязанность перед ссыльными и заключенными анархистами, и часто приносят в работу многое из того, что должно быть отсюда изъято с корнем для блага всей ссылки и всех заключенных анархистов в России.

Нельзя, ведь, быть равнодушным в то время, когда большевистские казематы и холодная Сибирь все больше и теснее наполняются анархистами, их страданиям нет конца, и они все больше увеличиваются. Все они ждут от нас хоть и небольшой, но все таки поддержки; все они нуждаются в одежде, обуви и постельном белье. Даже такой необходимости, как книги, которые служат единственным утешением и верным другом узника — они лишены, не говоря о других нужных вещах.

Мы призываем товарищей к скорой и регулярно - организованной работе в деле помощи ссыльным и заключенным. Мы апеллируем ко всем анархистам и сочувствующим их великому делу поспешить немедленно на помощь. Быть может, ваша

скорая помощь спасет жизнь некоторых анархистов, среди которых есть много больных, и за отсутствием медицинской помощи, всем им грозит неминуемая медленная и преждевременная смерть.

Само собой разумеется, что, находясь в Америке, мы не можем принять прямого и активного участия в борьбе с большевизмом в России, но мы можем только косвенно участвовать в этой борьбе — путем финансовой и моральной поддержки активных борцов с большевизмом.

Мы, проживающие пока на свободе, не страдаем материально, если на великое дело пожертвуем 1-2 д. в месяц, не зависимо оттого — являемся ли мы холостяками, или семейными людьми. Никто отрицать не станет того, что мы часто тратим, не жалея, по несколько долларов совершенно на ненужные вещи. А там наши люди сидят по несколько лет в тюрьмах без куска хлеба.

Еще раз напоминаем товарищам, что помощь нужна скорая и регулярная нашим узникам в большевистских казематах. Поэтому мы настоятельно рекомендуем устраивать всевозможные предприятия, пикники и собирать фонд. Требуйте подписные листы от Детройтского Комитета. Тех из товарищей, которые не имеют возможности собрать некоторую сумму по подписным листам — просим присылать свои пожертвования в Комитет.

Помещаемый нами ниже отчет, еще не появлялся в печати. Отчет К.Н.П.З. от 1 марта 1930 г. по 1-ое мая 1934.

Добровольный фонд:

Детройт А. Л.	0.50
Сибиряк	4.00
Кооперативное общество	50.00
Остаток от вечеринки	7.25
за розыгрыш книг	2.00.
В.	2.00
Бруклин, Ф. Черновец	1.00
Канада, Н. Гончарук	3.00
Джексон порт. От неизвестного	2.00
Либерти, Г. Сыч	3.00

Лансинг, Н. Иванов	5.50
Ниагара-Фолс, Р. Маловичко	2.00
Фаридал, С. Кравчук	2.00
Гартфорд, Я. Н.	2.00

ИТОГО

91.00.

По подписным листам:

Лансинг, номер 86	4.00
Гилсайд номер 68	12.25
Детройт, номер 84	32.00
Детройт, номер 85	20.40

Переходная сумма	31.59
ИТОГО	100.24

РАСХОД:

Борта, Польша	10.00
А. Кюссе, Россия	25.00
Черный Крест, Москва	80.00
Н. Махно, Париж	25.00
Кузьменко, Россия	10.00
М. Неттлау, Австрия	20.00
Ж. Граву, Париж	5.00
Пересылка денег и почтовые расходы	4.50

ИТОГО 179.50.

Остается в кассе Комитета 11.99.

P.S. Всю корреспонденцию и пожертвования направляйте по адресу Комитета:

K. Shevchuk,

9219 Russell street,
Dttroit, Mich.

**

ПИСЬМО В ФЕДЕРАЦИЮ «ПРОБУЖ-
ДЕНИЕ»

Уважаемые Товарищи!

Пишу вам это письмо по просьбе Нестора Махно. Он вот уже четвертый месяц, как серьезно болен и все время лежит. Очень исхудал и ослаб. В настоящее время он находится в госпитале на

излечении, но лечение подвигается очень туго. Его болезнь и является причиной его молчания. Статья о Рогдаеве пока не может быть вам выслана. С Друговым Нестор не встречался последние 7—8 месяцев и ничего о нем сказать не может.

Деньги еврейскими товарищами пока не получены. Интересно, на какой адрес вы их послали. Имеющиеся у вас деньги для Нестора высылайте.

С товарищеским приветом.

Г. Кузьменко.

**

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЬМА ИЗ КИТАЯ

Вот уже три года, как я нахожусь между крестьян маленькой деревушки центральной части Китая, вдали от цивилизованных городов.

Я изо дня в день вижу людей самых несчастных в мире. Бедность, невежество, болезни, деспотизм, несправедливость царствуют всюду и непрерывно.

Взрослые и дети в буквальном смысле слова умирают с голоду. Палками и кнутом выбивают налог и главным образом, «сверхналог». опиум — всюду и само государство занимается его продажей. Целые области разрушены бандитами, которые организуются из изголодавшихся крестьян, но еще чаще, армиями всех сортов. Интеллигентная молодежь потеряла всякую веру и мужество. Наиболее непримиримые идут к коммунистам. Китайская советия по величине равняется целой Франции; правительство начало против нее грандиозную и ужасную войну...

(Из письма из Китая).

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ
БЕЗВЛАСТНИКОВ ОТ 1-го ЯНВАРЯ ПО
1-ое МАЯ 1934 г.

ЗА «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Детройт, Мич., Профсоюз	16.05
Виндзор, Канада, Союз Самообразование	6.05
Нью Йорк, Кружок друзей Свободы	9.00
Кливланд, О. Группа Русских Рабочих через тов. Боркова	9.00
Бриклин, Н. П., Б. Войтович	2.05
Елизабет — П. Даманский	1.75
Лондон, Канада, С. Сак	1.35
Канада — С. Филиппов	1.00
Канада — П. Матвейчук	3.00
Гамильтон, Канада от Группы	1.50
Торонто, Канада, от Группы	1.50
Эмбридж — П. Руль	1.05.

ВСЕГО 53.30.

Добровольный фонд

Нью Йорк—Кружок Друзей Свободы	26.85
Детройт — Профсоюз	5.00
Филадельфия — Группа «Пробуждение»	3.00
Вотербури—В. Арсенук	4.00
Ленсин— Н. Иванов	5.00
Канада— Т. Мартынюк	1.00
Ферндэйл— С. Бравчук	3.25
Куба— Б. Р.	1.00
Детройт—И. Соколович	1.00
Детройт— П. Ковальчук	2.00

ВСЕГО 52.10.

В фонд по подписным листам

Детройт— Профсоюз, подписной лист

номер 1.	38.50
Виндзор— Союз Самообразование, подписной лист номер 2	10.25
Эмбридж— П. Руль, подписной лист номер 8	1.45
Торонто—Группа, подписной лист номер 9	4.50

ВСЕГО 54.70.

В фонд Н. Махно

Детройт—И. Нестерук	1.00
Детройт—П. Ковальчук	1.00
Детройт—А. Л.	0.50

ВСЕГО 2.50.

Подписка на журнал «Пробуждение» 5.00

ИТОГО 168.35.

РАСХОД:

Издание журнала	107.00
перевод статей	9.50
выслано Юдину	5.00
выслано на издание брошюры	17.00
почтовые расходы	29.29.

ИТОГО 167.79.

Осталось в кассе 0.56.

Так как в прошлом отчете был дефицит
23 долл. 64 сен., то еще дефицита 23 дл.
8 сентов.

КОМИССИЯ:

П. КОВАЛЬЧУК

А. ОМЕЛЬЧУК.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему нашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.